

МОСКОВСКИЕ БОГИ

Александр Прокопович

КРЫМСКИЙ КОВЧЕГ

Александр Прокопович
Крымский Ковчег

«АСТ»

2014

Прокопович А. А.

Крымский Ковчег / А. А. Прокопович — «АСТ», 2014

ISBN 978-5-17-086696-0

Москва никому не верит. Москва ничего не прощает. Так было раньше, когда здесь жили люди. Только не стоило привозить сюда Крымский Ковчег. И точно не надо было открывать. Теперь хозяевами Москвы стали Падшие. Не то демоны, не то – пришельцы. Но московские правила остались прежними. Москва, как и прежде, пожирает людей, только теперь она за это исправно платит. Вокруг столичной Зоны – Периметр с минными полями, который охраняют танки Таманской дивизии. От людей? От Падших? Антон Стрельцов – ходок. Есть теперь и такая профессия – люди, которые ходят в Москву, чтобы вернуться. Антон – очень хороший ходок. Но свою цену придется заплатить и ему...

ISBN 978-5-17-086696-0

© Прокопович А. А., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава первая	20
Глава вторая	24
Глава третья	27
Глава четвертая	30
Глава пятая	35
Глава шестая	39
Глава седьмая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Александрович Прокопович

Крымский Ковчег

Пролог

Крым – Славянск – Москва

Сверху археологи смотрелись забавными серыми человечками из какой-нибудь компьютерной игры. Идеальное расстояние для выстрела из СВД. Собственно, именно снайперская винтовка Дегтярева и была основной специальностью Руслана. Шамиль в их паре отвечал за связь. На этот раз им повезло с заказом. Все просто, как в тире, – дождись нужного момента и работай. Если бы не солнце. Если бы не особые условия этого заказа. Братья Руслан и Шамиль Байтаровы не любили убирать за собой.

Есть несколько вещей хуже, чем работать в ОЗК на раскаленном крымском солнышке. Одна из них – это если этот самый общевойсковой защитный комплект вам не по размеру, а противогаз, кажется, вообще предназначался слону. При этом Александру Петровичу не восемнадцать, и он не ходит строем. В свои пятьдесят он уже профессор, только толку от этого здесь, в долине Привидений. До Алушты рукой подать, море, пляж... Нет чтобы поискать чего-нибудь там, амфоры какие-нибудь на глубине комфортного дайвинга... Так нет, будто специально кто-то искал худшее место на проклятом полуострове.

Во всем виноваты спутники. Этот идеальный прямоугольник двадцать на тридцать метров можно было различить только с орбиты. Не с каждой. К несчастью, спутник прошелся именно по ней. Крым не бассейн Амазонки и не гора Арарат, здесь прямоугольного как грязи. Только Александр Петрович Кухарук за последние двадцать лет облазил полуостров от Херсонеса до Джанкоя и точно знал – в этом месте не может быть вообще ничего. Долина Привидений названа так неспроста. Именно здесь испарения сероводорода замечательно реагируют на местные породы. Газовая смесь, которая выбирается на открытый воздух, убивает все живое уже не одно тысячелетие. Место – запретное. Конечно, не обошлось без парочки кровавых легенд, как же без них, одно название долины чего стоит. В реальности все просто: прошлые поколения было легче запугать, чтобы не ходили куда не надо, какой-нибудь сказочкой для взрослых, чем знаком химической опасности.

Предки пугали со знанием дела, но как-то без выдумки. По преданиям, в долине было захоронено древнее зло, которое не стоит тревожить, потому как выберется – и вот с этого самого момента и начнется конец света. Для разнообразия упоминались варианты с бедами местного масштаба, например умрешь в муках, а конец света так и не начнется.

В муках умереть здесь можно было запросто. Причем без всякого отравления, просто от передозировки жары.

Александр Петрович собирался года два выбивать бюджет... не в этот раз. Будто кто слово заветное шепнул, денег выделили не ахти сколько, зато сразу, и вот они здесь – экспедиция. Такое громкое слово для двух студентов исторического факультета КГУ, водителя и самого Кухарука. Большая часть бюджета пошла как раз на покупку ОЗК.

Вблизи прямоугольник оказался уже не таким идеальным. Невысокий вал, ничего впечатляющего, если бы не цвет этого вала – белый, будто кто-то специально его покрасил, чтобы на снимке из космоса было все отчетливо видно. Соль. Кто-то сюда притащил больше ста тонн

соли, причем довольно издалека и, если верить пробам грунта под валом, очень давно. Точно до того, как в Крыму появились первые греческие колонии...

Поверхностью вала занимались неделю, сегодня начали исследовать внутреннюю структуру. Пока из всех находок – пара кристаллов сульфата кальция, характерных скорее для Северной Африки, там такие называют розами пустыни и продают доверчивым туристам по цене, регулируемой исключительно жадностью туземцев и глупостью приезжих. Обливаясь потом, Александр Петрович вспоминал пятилетней давности совместную экспедицию с канадцами на Юкатан. Утром и вечером – раскопки, ночью и днем – пятизвездочная гостиница со всем, что полагается быть включено в каждую из звезд. Кондиционер, прохладительные напитки, бассейн и обслуга.

Зато здесь, в долине Привидений, не было насекомых. Вообще. Не было вообще ничего живого – камень и соль, интересно, что же такого они тут собираются найти? Доисторическую боеголовку?

Было не просто жарко, кажется, у профессора уже начались галлюцинации, иначе откуда бы взялись эти тени в самом центре соляного прямоугольника? Через запотевшие стекла Кухарук видел шесть темных фигур, и никакие зажмуривания глаз ему не помогали – тени будто ждали, когда же он убедится, что они существуют.

– Профессор, у вас все хорошо?

Дополнительная радость ОЗК – это то особое искусство общения, которое достигается в тех редких случаях, когда, чтобы тебя услышали, приходится орать до боли в ушах... Поэтому Александр Петрович предпочитал по мере возможности перейти на язык жестов.

Разумеется, стоило Кириллу, одному из студентов, заговорить, как тени сгнули. Просто чтобы больше о них не думать, профессор махнул рукой в надежде, что студенты поймут, и отправился в то самое место, где ему что-то такое почудилось.

Долго копать не пришлось. Хорошо, что профессор сам взялся за лопату: опознавать в окаменевшем рукотворное – не самое простое ремесло. Дальше за дело уже взялись студенты.

Гробик – сто пятьдесят на сто сантиметров. Ящик из дерева, которое почти превратилось в камень. Чудо, что Кухарук отличил его от породы. Профессор собирался копать еще недели две. Этот соляной прямоугольник нужен был только для того, чтобы они нашли ковчег. Такой доисторический таймер – найти его можно было ровно в тот момент, когда люди запустят достаточное количество спутников, чтобы сфотографировать и этот клочок суши.

Студенты не справлялись. Пришлось тащить ковчег вчетвером. Водитель из местных, с первого дня окрещенный Абдуллой – за усы, загар и золотые зубы, несмотря на попытку представиться солидно – Леонид Михалыч. Абдулла, истово поддерживающий миф о том, что работа водителя заканчивается ровно в момент прибытия на место, сопровождал каждый шаг с грузом трехэтажными проклятиями, изредка прерываемыми цензурными связками.

Общими усилиями затащили в открытый кузов «уазика». Александр Петрович пытался снова нормально дышать – получалось не слишком, студенты вроде бы тоже участвовали в процессе перемещения тяжести, но их молодых сил хватило, чтобы, вспомнив и проклятие фараонов, и ящик Пандоры, тут же попытаться разобраться, где у ковчега заканчиваются стенки и начинается крышка. Абдулла уже и универсальный открыватель нужного притащил – лом обыкновенный.

Профессор попытался остановить студентов, но сквозь противогаз, да еще и со сбитым дыханием – никакого эффекта, руками маши не маши, бесполезно. Не на профессора сейчас студенты смотрели.

Зато именно за Александром Петровичем Кухаруком сейчас наблюдал Шамиль. А Руслан выполнял команды брата.

– Огонь! – И пуля классического калибра 7,62 прошла противогаз и со скоростью около семисот метров в секунду добралась до головного мозга археолога. Руслан подстраховался, еще одна пуля вошла через профессорскую носоглотку, чтобы наверняка.

Кухарук, уже мертвый, все еще стоял, опираясь о кузов машины, когда Руслан перевел прицел на студента, склонявшегося над ковчегом. Снайпер промахнулся, пуля попала в артефакт, а от него, словно ковчег был сработан из оружейной стали, от ricoшетила в голову Кирилла. А Руслан уже снова стрелял.

Второй студент успел удивиться. Водителю, который какого-то непонятного со скоростью напуганной ящерицы юркнул под грузовичок. Следующая пуля вошла в затылок пятикурсника. Потом еще одна. Шесть пуль – все штатно.

Соотношение пуль и трупов было правильным. С ковчегом обозначилась проблема: ricoшет ricoшетом, но после попадания пули в артефакте появилась трещина, увидеть, только если хорошо знать, где именно искать. И все-таки целостность ковчега была нарушена.

Шамиль решил, что и ему пора развлечься. Выстрелил в воздух из своего АК, чтобы водитель не тормозил. Абдулла все понял. Абдулла засуетился. Деньги были обещаны немалые. Загрузить три столичных трупа было нетрудно, «уазик» завелся, будто и не простоял неделю без дела. Леонид Михалыч проехал порядка километра, прежде чем позволил себе снять ОЗК, закинуть всю эту резину в кузов и уже в цивильном двинуться на место встречи. Новая машина. Свой дом. Не здесь. Новые зубы из керамики. Водитель улыбался, он не держал зла на археологов. И даже на то, что они называли его Абдуллой. В конце концов – деньги покроют и это.

Через пятнадцать минут он был на месте встречи. Место нехорошее, из тех поворотов на горных дорогах Крыма, у которых всегда есть неофициальное оптимистичное название, типа «У черной скалы» или «Поворот мертвеца». Кажущееся нейтральным название этого поворота – «Каменюка» – было нейтральным только для тех, кто не в курсе. Метрах в пяти ниже по склону из горы выступала каменюка причудливой формы. Именно на ней заканчивался полет с трассы машин – и больших, и маленьких. С гарантированным исходом.

Абдулла попытался рассмотреть внизу следы очередной аварии. Еще не высушенный до годности в гербарий венчик не оставлял сомнений – что-то здесь недавно слетело в пропасть. Каменюка блестела в лучах уже садящегося солнца. Что-то ему почудилось в этом блеске, что-то такое, отчего ему захотелось, не дожидаясь клиентов, убраться отсюда. Прямо сейчас.

Заказчик рекомендовал взять братьям Байтаровым что-нибудь неприметное. Неновый микроавтобус, какой-нибудь «фольксваген» или «форд». Руслан и Шамиль предпочли новенький, совершенно не бросающийся в глаза, белый как снег джип Infiniti QX. Правда, номера они старательно замазали грязью, что, с учетом поголовья таких джипов в Крыму – количеством от одного до двух, в случае чего, должно было сильно помочь делу.

Михалыч так увлекся разглядыванием склона, что заметил джип как раз в ту секунду, когда он остановился миллиметрах в пяти от его «уазика». Еще немного – и полетел бы его грузовичок как раз на чертову каменюку.

Братья Байтаровы – оба за метр семьдесят пять – смотрелись в своих одинаковых темно-синих джинсах и черных футболках на фоне своего джипа так, словно вот-вот должен был появиться фотограф, дабы запечатлеть. Что-нибудь для рекламной кампании джипов и Крыма: «Только на „Инфинити“ все в Крыму увидите!» Фотограф не торопился, а Леонид Михалыч все никак не мог отвести взгляд от толстых резиновых перчаток на руках Руслана и Шамиля.

– Зачем перчатки? – Михалыч лихорадочно вспоминал, где его собственные остались – закинул в кузов или выбросил?

– Хоть бы поздоровался, брат... – У Руслана всегда это получалось хорошо – так сказать, так посмотреть, чтобы собеседник прочувствовал: вот неправ я на все сто. – Все нормально?

– Все как договаривались, – водила уже все понял, все было ровно так, как он боялся. Боялся давно и по многу раз. И надо бы что-то делать, только что? И как? Ноги омерзительно дрожали, сунул руку – поздороваться, еле попал в ладонь Руслана.

Шамиль посочувствовал:

– Не психуй, уже немного осталось, – успокоил, Михалычу совсем уже никуда торопиться не хотелось.

Ковчег вытаскивали втроем. Михалыч так и остался без перчаток. Руслан сказал, что ему не надо. Наблюдая, как тщательно братья запаковывали артефакт в какую-то пленку, а потом общими усилиями запикивали в металлический контейнер с крышкой, которая могла бы поспорить по толщине с банковским сейфом, водила успокоился. Уже было не о чем переживать.

Шамиль вытащил из джипа канистру и щедро полил и трупы, и весь грузовичок. Михалыч дождался, когда канистра опустеет, и задал вопрос, который, уже понятно было, задавать не нужно, но он так ждал этого момента, что спрашивал совершенно без участия мозга:

– Деньги.

– Конечно, – Руслан опять изобразил оскорбленную невинность. Именно с этим выражением лица он и выполнил свой отработываемый еще со школы правый хук. Резкий, точный. Если бы кто-то записал на пленку момент удара, он бы при замедленном просмотре увидел, как в момент касания кулака Руслана подбородка Михалыча пятки водилы оторвались от земли.

Абдулла был жив и не связан, когда его положили в кабину. Все как планировалось. Шамиль придирчиво осмотрел «уазик», тела – профессора перенесли в кабину – кажется, все хорошо, кивнул Руслану, пора было ставить точку.

Младший Байтаров снял с нейтралки и надавил на газ. «Уазик» нерешительно вздрогнул и помалу пошел вперед, Руслан прыгнул, оставив водилу приходить в себя за рулем летящей в пропасть машины.

Леонид Михалыч в себя не пришел. Его убийцей стали не братья наемники, а почти незаметная тень, выскользнувшая из ковчега в мир. Ей достаточно было просто коснуться потерявшего сознание водителя. К тому моменту, когда «уазик» отправился в свою последнюю недолгую поездку, клочок тьмы уже снова был в ковчеге. Теперь немного сильнее. Герметический контейнер не мешал ему ни вырваться на свободу, ни вернуться обратно.

«Уазик» брякнулся об каменюку, и ничего не произошло. Даже не особо помялся. И очередь из АК не помогла. Бензобак напоминал решето, но все никак не воспламенялся. Шамилю надоело, и эрпэгэшка сделала свое дело. Заказчик будет недоволен, но, с другой стороны, почему бы водителю, слетевшему с трассы, не везти с собой пару гранат?

«Инфинити» братьев уже вечером был в Джанкое. Заночевали в гостинице «Шоколад». Руслану отель понравился – парковка прямо во дворе гостиницы, на въезде – солидные железные ворота.

Клиент настаивал на том, чтобы братья ночевали в машине. Братья решили иначе. Номер был даже близко не люкс – трудно сделать люкс из бывшей общаги, но кровати были настоящие, не чета сиденьям в джипе, настоящими были и девочки. Звонок от местного сутенера раздался минут через пять, после того как братья зашли в номер.

Проснулись Байтаровы поздно и даже не пытались позавтракать в гостинице – в три часа тяжело с завтраками, решили перекусить где-нибудь по дороге.

Отель, кажется, звенел от пустоты. Не то чтобы братья ожидали увидеть толпу командированных и отдыхающих, но портье, пусть с них и взяли предоплату, должен был все-таки хотя бы просто попрощаться. Украсть из номера можно было разве что мебель, и пусть такую дорого выбросить и невозможно продать, но все же... Шамиль смачно выматерился – пустой

холл не ответил даже эхом. Руслан заглянул за стойку. Никого. Привычно осмотрелся – нет ли чего полезного. Не нашлось.

На улице было все так же пусто. Ворота во двор больше не могли выполнять свое предназначение. Кто-то ночью аккуратно снял полотна и аккуратно уложил неподалеку от въезда. На взлом не похоже, может, хозяин решил покрасить или поменять? Джип вместе с содержимым никто не тронул. Братья, так никого и не встретив, загрузились в «Инфинити» и двинулись в сторону Запорожья.

Перекусывая в одном из ресторанов уже на въезде в Запорожье, они не обратили внимания на работающий телевизор. Как это принято, на экране мелькало одно, а озвучка была совсем другая – что-то из дискотечных восьмидесятых. Если бы Руслан и Шамиль услышали, о чем говорит диктор, может, их судьба сложилась бы иначе. Не до конца отдавая себе отчет, что именно она говорит, ведущая местного телеканала, не переставая улыбаться, пыталась донести до аудитории тот печальный факт, что в Джанкое этой ночью было обнаружено порядка сотни трупов. Причину смерти определить не удалось. Братья слушали музыку, хвалили еду, но чаевые решили не оставлять.

Байтаровы уже подъезжали к Днепропетровску, когда заказчик приказал сменить маршрут. Теперь им предстояло ехать в Славянск. Там их будет встречать представитель заказчика. Двести пятьдесят километров они проехали за три часа.

Проехали, так и не узнав, что одновременно два инфаркта настигли своих жертв на заправке за те несколько минут, которые нужны были, чтобы залить доверху огромный бак «Инфинити». Рвали по местами асфальтированной дороге до ста, уже и не вспоминая о пригородном ресторанчике, где все было тоже нездорово. После отъезда Байтаровых проигрыватель отыграл последний трек, на экране мелькали картинки в полной тишине. В ресторане не выжил никто – все тот же массовый инфаркт. Оставались еще сутки до того, как об этом заговорят.

Встречу братьям назначили на улице Аэродромной. На выезде из Славянска. Руслан искал взглядом кафе – то есть место, которое по всем параметрам подошло бы для встречи. Не случилось. По назначенному адресу располагался огромный серый ангар без окон с воротами-жалюзи и десятками камер по периметру. Руслан такие места не любил. От таких сооружений за километр несет государством или корпорацией, что на крайнем востоке Европы одно и то же.

Ворота пошли вверх, стоило братьям подъехать. Шамиль лихо зарулил в ангар, джип проехал еще около метра, прежде чем старший Байтаров попытался затормозить. Бесполезно. Он мог тормозить, газовать, пытаться уйти в сторону – машину неумолимо вело вперед. Колеса джипа встали в колодки, закрепленные на платформе, которая, собственно, и двигалась с неумолимостью железнодорожного состава вглубь ангара.

У братьев был зазор времени около двух секунд, когда они могли просто выскочить из машины, но, прежде чем они догадались, что в «Инфинити» счастья нет, счастье уже было недоступно. Поднявшись из глубин платформы, стальная полоса охватила джип. Подарочной лентой – разве что бантика не хватало – берите, делайте что хотите.

Братьям оставалось теперь лишь одно – ждать, когда их куда-нибудь привезут.

Ангар, в который они попали, представлял собой нечто большее, чем просто склад, пусть даже склад специального назначения. Улица Аэродромная была выбрана не случайно. Сам город Славянск был пунктом, откуда легко отправиться по железной дороге, хочешь – в Европу, а хочешь – в Сибирь, желаешь – на юг или надо – на север. В шестидесяти километрах от Славянска притаилась еще одна возможность – военный аэродром, и, чтобы попасть на него, как раз удобно было двигаться по улице Аэродромной.

Большая прямоугольная матрешка – вот что собой представлял ангар, в котором оказались братья Байтаровы. Внутри одного ангара другой из материала приметного – трехслойного стекла с примесью палладия: и кислота не проест, и пуля не возьмет. Вот в него сейчас и везла платформа джип. Прошла шлюз, докатилась ровно до середины пространства между шлюзом из внешнего ангара и шлюзом в следующую часть матрешки – третий ангар, сделанный из того же трехслойного стекла, но с добавлением еще одной стены из простого материала – стали оружейной толстой, просто для спокойствия.

Руслан и Шамиль попытались что-то высмотреть за стеклянными стенами – не получилось. За стеклами было темно, внутри свет – стены превратились в зеркала. В них они увидели, как в среднем ангаре начинается небольшой местный потоп. Причем жидкость, которая наполняла объем со скоростью среднего цунами, была отвратительной на вид – ночной кошмар для ненавистника молочной пенки мутно-сери-коричневого цвета. И запах. Запах сырого мяса. Пена билась, шипела о стекла джипа, был бы у братьев присоветованный старый минивэн, и пришлось бы им не только смотреть, довелось бы пощупать...

Пена дошла до невысокого потолка и тут же схлынула, будто и не было. Только запах остался. Впрочем, стихийные бедствия продолжались, на этот раз – молнии. Братья вместе со своей машиной пережили и это – не утонули и не сгорели, в теории вот-вот должно было начаться испытание медными трубами.

Наконец, исчезла стальная полоса, охватывающая джип, – убралась куда-то в недра платформы, только выходить как-то не хотелось. Мало ли что еще приготовлено для них в этом аквариуме.

Вспыхнул свет в наружном ангаре. Если у Байтаровых и была мысль как-то сбежать, только что она была поймана и расстреляна. Большой ангар хорош тем, что в него много чего помещается, в этот поместился взвод спецназа и пара бэтэров. Руслан и Шамиль считали себя крутыми. Только крутость эта складывалась все больше из таких операций, когда их противниками были люди цепенеющие при виде огнестрела в чужих руках. Иногда менты, которые, по большей части, цепенели точно так же, потому как заточены были на то, что кто-то от них будет бежать, еще лучше – договариваться, но точно не убивать. С профи Байтаровы не связывались. По всему выходило так, что крайний заказ вот-вот должен был превратиться в последний. У Шамиля задребезжал мобильник – такой знакомый привычный звук, что даже не верилось. Привычно включил громкую связь. Голос из трубки был тоже знакомым – заказчик:

– Откройте багажник, – после потопа и молний голос мог принадлежать только тому, у кого рука лежит на пульте по включению-выключению гадостей, потому Руслан и Шамиль вышли не думая ни о чем, кроме того, что все складывалось очень похоже на последние минуты жизни водилы «уазика». И машина у них серьезная, и двое их, и зовут не так, а конец все ближе.

– Выдвиньте контейнер и снимите крышку, – было тяжело, но братья справились. Шелест – откуда-то сверху – не принес ничего страшного – просто тонкая гибкая металлическая трубка с линзой на конце: то ли камера, то ли фонарик – нацелился на угол ковчега.

– Вы что, стреляли по ковчегу? – В голосе не было ни злости, ни раздражения – лишь безразличность.

– Нет, – Шамиль ответил сразу и, уже сказав, увидел реакцию брата.

– Там рикошет был, небольшой, – нехотя признался Руслан.

– А по пути сюда ничего необычного не заметили? – К безразличности в голосе заказчика добавилось что-то еще, некое любопытство. – Трупы, которые вдоль маршрута оставались, не привлекли вашего внимания?

– Какие трупы? – Шамиль подумал про водилу и группу, сожженную в грузовике, но про тех заказчик сам давала подробные инструкции.

– То есть вы ничего не видели и переспрашивать бесполезно...

Телефон зашуршал и отрубился. Шамиль успел заметить, как спецы за стеклом напряглись, а Руслан смотрел на угол ковчега, из которого струилась дымка, почти прозрачная, нестрашная – паутинка черного и серого, махнул рукой – развеется по ветру. Паутинка вдруг, одним движением, протянулась к Руслану, Шамилю, к стеклам ангара, вверх и вниз, а потом по ее тонким нитям, как кровь по артериям, рванул поток тьмы, и нити набухли, рванули вперед и... Стекла выдержали, и сталь, где была, там и осталась, только уже не было ни Руслана, ни Шамиля, не было и спецназовцев – были только тела и «пуповины», соединяющие каждого из них с ковчегом. Крымский презент показал свои зубы – камеры разом выключились, микрофоны жадно втягивали тишину...

В самом центре ангара, за стеклом и железом, перед ослепшими мониторами за спинами людей в форме без знаков отличия – за всем наблюдала женщина – в темной юбке чуть ниже колен, светлой блузке, но никто и никогда не заподозрил бы в ней секретаря. Набухшая нить зависла в каких-то миллиметрах от ее груди, будто не решаясь сделать последнее решающее движение. Только она – оставалась собой и чувствовала себя превосходно. Она ждала этого момента, и он наступил.

Паутина исчезла – вот она есть, а вот ее нет, словно кто-то наверху убрал лишнее. Женщина вышла из внутреннего ангара и успела подхватить уже выпадающий из руки Шамиля телефон.

– Как меня слышно?

Заказчик знал этот голос. Ирина Арно, консультант. Из тех, кто на самом деле принимает решения, женщина, возникающая будто из ниоткуда, но с такой мощной поддержкой на самом верху, что это «ниоткуда» никого не печалило. Говорили, что секс. И Арно никогда этого не отрицала. При этом знала о проекте несколько больше, чем можно было ожидать от простой любовницы. Несколько больше в вопросе о ковчеге означало только одно – она была чуть ли не единственной, кто знал хоть что-то.

– Что у вас там? Камеры и микрофоны вырубались.

– Сейчас все наладим, – Ирина, даже разговаривая по телефону, флиртовала, просто в силу того, что флиртовала она всегда и со всеми – женщинами, мужчинами и обстоятельствами. Ее тонкие пальцы теребили пуговицу на груди – крайнюю точку декольте, она улыбнулась, облизнула губы – все зря, он ее не видит.

– Оно снова вырвалось? – У заказчика были серьезные полномочия, совершенно не совпадающие со степенью ответственности. То есть если что – он мог просто сделать контрольный выстрел и ждать следующего приказа. Но Арно его напрягала.

– Мы ждали этого. Теперь мы знаем, как это происходит, и даже без жертв... – Ирина снова провела языком по губам. Ей нравились эти мальчики – даже сейчас. Шамиль и Руслан. Младший лежал на спине, согнутые в локтях руки чуть вытянуты вверх – говорят, классическая поза безмятежного младенческого сна. Шамиль сидел, опираясь на машину, успел потянуться к пистолету – серьезный хлопец. Пистолеты Ирине тоже нравились.

– Алло? Вообще без жертв?

– Ну если не считать наших глупеньких братьев-камикадзе. Ну на то они и камикадзе... Готовь транспорт, через час будем выдвигаться.

– Ковчег герметизирован? – Ни заказчик, ни советники так и не смогли понять, что именно произошло с крымским трофеем. Трещина в ковчеге? Но контейнер, в котором его везли, удерживал даже радиацию. Байтаровы оказались настолько тупы, что и контейнер нормально закрыть не смогли? Как тогда сами выжили? Точнее, выживали...

– Теперь все герметично. Жертв больше не будет, если только кто-то не попросит, – почти промурлыкала Ирина, будто ждала-ждала – сейчас заказчик скомандует, и они выпустят на город тварь, которая вышла на охоту в Джанкое и непременно выйдет еще.

Ей пришлось нагнуться, чтобы забрать пистолет у Шамиля. Делалось это так медленно, будто она была на сцене, а зрители ждали, когда же она наконец начнет раздеваться. Ирина и сама чувствовала себя зрителем – из тех, что даже не в первом ряду, а прямо на сцене. Ее зрачки расширились, и палец надавил на спусковой крючок – пуля вошла в голову Шамиля как раз над левой бровью. Руслану она стреляла в живот. Три выстрела. Потом осторожно обошла, чтобы не ступить в лужицу крови, и выстрелила еще раз. Хотела в глаз – и на этот раз тоже не промахнулась. Как хотелось.

Осмотрелась. Братья ей больше не нравились. Уже выходя из ангара, она глянула на свое отражение – пятна на блузке. Сняла, не обращая внимания на застывших за стеклом спецназовцев. Как раз в этот момент заработали камеры. Заказчик увидел трупы Байтаровых, силуэты бойцов за стеклом и полуобнаженную Арно у дверей во внутренний ангар. Если бы аппаратура была чуть получше, он смог бы разглядеть спецназовцев как следует. Застыли неподвижно, и только взгляд каждого неотрывно следует за Ириной. И нет в этих взглядах даже намек на то, что связывает мужчину и женщину.

Через час Арно со своей командой была на краматорском аэродроме. Сторонний наблюдатель удивился бы, увидев такую женщину в окружении серьезных военных людей. Впрочем, чего не бывает. И никому бы даже в голову не пришло, что это не она с ними, а они с ней.

Ми-26 легко оторвался от бетона – ковчег и взвод спецназовцев весили меньше бомбы, которую он сейчас нес к пункту своей постоянной дислокации в Кубинке. Если бы что-то пошло не так, устройство объемного взрыва должно было решить проблему. Но ведь все пошло как надо?

Все пошло неправильно.

Жизнь заказчика была выстроена так, что по имени его называл мало кто и давно. Капитан Коваль для своих, заказчик для клиентов. Он настолько отвык от своего имени, что не поворачивался на окрик, знал – это кого-то другого.

Это крымское дело показалось ему мутным с момента первого рапорта о находке. При всей секретности, он всегда знал, откуда идет информация, кто реально рулит. На этот раз команды приходили с разных сторон, будто некий вирус вселялся в больших шишек, заставляя их вдруг интересоваться этим делом. И говорить это могло об одном. Рулит именно тот человек, который рулит всем в этой стране, и время от времени он раздает команды то одному, то другому. Он так часто делал и раньше, просто тогда все происходило как-то... здоровее, что ли. Время от времени в поле зрения Ковалья всплывали мутные личности, но таких странных, как Арно, не попадалось. Он не смог найти на Ирину ничего – вообще. Жила в гостинице, ездила на «ягуаре», купленном полгода назад. Тот же срок выдачи кредиток, все поступления на карту – исключительно кэш. Гражданство... Надо будет как-то съездить на этот остров и сделать себе тоже парочку паспортов. Паспорт, конечно, был выдан все те же полгода назад.

Коваль мог просто забыть. Его работа закончилась – ковчег в Кубинке, дальше им займутся другие службы. Мог бы, но до Славянска лета – час. Ангар на улице Аэродромной. Пусто – Арно хорошо убралась. Капитан уже осмотрел внутренний ангар, средний, стеклянный, и сейчас обходил наружный. Пусто, не особо чисто, все как и положено для склада, ну такого, особенного, склада.

Это была всего лишь точка на стекле. Черная капля. Ковалю стало как-то нездорово рядом. Осторожно снял ножом – только капля никуда не делась. Коваль не сразу понял в чем дело. Капля была сразу с обеих сторон стекла – причем трехслойного, с примесью палладия. И никаких отверстий – стекло целехонько, только веществу, из которого состояла капля, было все нипочем. И как же Арно загерметизировала ковчег, как это вообще сделать? И все-таки,

кто такая Арно? Эх, надо было Руслану лучше целиться. Еще лучше было бы отмотать пару дней назад, чтобы этот ящик так и остался в крымских горах. В проклятой долине, полной яда.

Ми-26 встречали. Аккуратно, без паники. Посадили в углу аэродрома и велели ждать. Арно чуяла опасность, осталось только понять – кто? Не один год она посвятила тому, чтобы выдрессировать в себе единственную реакцию на любую проблему: любая опасность, любой сбой – это возможность. Нужно просто поработать. И она поработает, уже в который раз.

Когда аппарат вертолета опустилась, вариантов, куда с нее спускаться, особо не было. Армейская палатка ПБ-20 была не предложением – приказом. Арно сделала единственно возможное – спустилась одна. Пусть бойцы ждут приказа. Стоило ей спуститься, как аппарат вновь подняли, с этой минуты и до ее приказа Ми-26 – ее главный козырь. Главный, но не единственный.

Никакой аппаратуры – три внимательных офицера ФСО и сотни вопросов. Арно подумала, что ей повезло с достойным противником. Скорее всего, это просто интуиция, но она заказчика не подвела. Никакие приборы не могли зарегистрировать то, что случилось со всеми, кто был в ангаре, со всеми, кроме нее. А вот допрос – на допросе бойцы посыпались бы. К концу трехчасового глубокого интервью Арно уже видела свою возможность. Все что ни делается – к лучшему, сейчас важно было время и характер Ковалю. Если она не ошиблась во втором – капитан никому ничего не сказал и будет молчать до тех пор, пока не будет уверен, и к этой уверенности будет прилагаться большой пакет с уликами. Осталось не ошибиться со временем.

Арно отвечала на вопросы, Арно флиртовала с каждым из троих офицеров, роль «преlestь какая дурочка» вполне могла и не удалась, однако удавалась. Они практически поверили, что эта женщина, руководящая операцией высшего уровня, вообще не понимает, что такое случилось. К тому же страшно мучается из-за того, что приходится пить воду ну практически из-под крана, а не выцеженную из альпийского ледника.

Ее даже отвезли под охраной четырех человек в более-менее приличный туалет в аэропорту. Ирина смотрела на себя в тусклое зеркало, и увиденное ей нравилось. Эта женщина вызывала не просто сострадание – чистое сострадание было бы ошибкой, это лицо вызывало сострадание и желание – защитить и овладеть. Ира сделала шаг назад – тело подчеркнуло нужный эффект. В какой-то момент ей захотелось порвать колготки, дабы усилить образ. Не решилась – ей всегда шла безупречность.

Офицер уже дважды пытался закончить допрос, пора было переходить к другим членам команды. Время заканчивалось, а Ковалю все не было. Она уже встала и, одарив офицеров напоследок зрелищем блуждающих бедер, подошла к двери. Дверь открывать не понадобилось. Капитан Коваль сделал это за нее.

Ее сумочку обыскали, ее одежда не могла вместить не то что оружие – слишком плотный завтрак не позволил бы ей надеть этот наряд. Ее кольца никто не осматривал – сняла до рамки, надела после. Не Средние века, чтобы искать яды. Собственно, это и не был яд. Поворачивая камень, она поймала взгляд Ковалю. Именно в это мгновение судьба капитана была решена. Арно подумала, что он идеально подходит на роль главного злодея.

Руки ее выдавали. В них не было той утонченности, которая, казалось, была просто неизбежна для такой женщины. И кольца сидели уверенно, без шансов скользнуть прочь. Камень сдвинулся на несколько миллиметров – достаточно, ведь в кольце не было яда, камень просто давал приказ – пора. Тьма вырвалась из кольца, и три военных следователя перестали быть собой. Все произошло настолько быстро, что Коваль даже не уловил полной смены диспозиции.

– Ирина, что все-таки у вас там произошло?

– Капитан... – В такие моменты ей хотелось, чтобы текло по капле, чтобы распробовать эту кисло-сладкую ноту как следует. Ее рука скользнула в кобуру одного из офицеров,

по дороге как бы невзначай пройдясь по его бедрам. Пистолет Ярыгина – с мягким спуском – уверенно лег в ее ладонь. День у Арно выдался – просто лучше не бывает...

– Капитан Ковалев, знаете, есть люди, которые просто не верят, что все может быть хорошо. Поэтому, – Ирина подошла к капитану так близко, что косметика перестала скрывать и возраст, и то, что черты ее лица были не такими уж правильными, и точно не утонченными, – поэтому, господин заказчик, должны быть жертва и злодей. Причем в нашем случае жертва выживет, а злодей – нет. И все будет выглядеть вполне достоверно.

Вероятно, он слишком долго пробыл заказчиком – лет пять назад он еще был в форме, еще мог бы что-то успеть, ему могло повезти... Он все-таки попытался, так и не поверив, что три офицера ФСО расслабленно наблюдают – получится у него или нет?

С Арно он справился: выражение ее лица, когда она поняла, что пистолет в руках не гарантирует вообще ничего, – ради этого стоило пытаться. Однако фэсэшники оказались не такими уж расслабленными, только жертвой их мгновенной концентрации оказалась вовсе не Арно. Секунда – и капитан Коваль был запечатан совершенно безнадежно, чтобы он был послушен теперь, не нужен пистолет, хватило бы карандаша. Именно он появился в руках у Ирины. Судя по всему, она точно была не допрашиваемой и даже не подозреваемой.

– Один мой знакомый говорил, что достаточно ткнуть в глаз – и дело будет сделано. Всегда хотела попробовать, – Арно поднесла карандаш к зрачку капитана.

– Ты ненормальная, – договорить капитан не смог, удар был техничный – в смысле – в обозримом будущем Коваль сможет говорить, тщетно пытаясь преодолеть вывих челюсти и дикую боль.

– Мальчики, работаем! – Ирина кивнула фэсэшнику в чине подполковника. Работа была несложная – всего-то набрать номер и поговорить две минуты.

На нем всегда плохо сидели костюмы. И вовсе не из-за того, что он никогда не был стройным. Дело не в весе – вся его фигура была странно скособочена, как-то так, что сшитый лучшим портным костюм смотрелся купленным в районном универмаге. Годами выработанная привычка – взяв трубку, встать. С тех времен, когда он зависел от многих, а от него – только он сам.

Человек в дорогом, плохо сидящем костюме снял трубку. К ФСО он имел лишь формальное отношение – разве что потому, что частенько бывал в местах, где его проверяли люди из службы. Но сейчас подполковник ФСО докладывал ему, и это абсолютно точно был голос подчиненного, который еле сдерживается, чтоб не выдать свое волнение. Голос подчиненного, который выполнит любой приказ.

– Объект доставлен, но возникли осложнения...

– Продолжай, – человек подошел к окну, из которого открывался вид на Кремль. Забавно, теперь он воспринимал его как часть пейзажа, но не цель. Он больше не хотел быть хозяином этой части мира.

– Капитан Коваль в настоящее время контролирует ковчег.

– И?

– В Славянске были устранены проблемы с контейнером, сейчас он полностью герметичен, у нас есть возможность устранить капитана и его людей, ковчег не будет поврежден.

Коваль слушал – собственно, это единственное, что он мог делать: слушать и смотреть на карандаш в руках Арно.

– Важен только ковчег – действуйте. Надеюсь, сегодня он будет в лаборатории, остальное неважно.

Его костюм не станет лучше сидеть. Но если все получится с крымским ковчегом... Нефть – это всего лишь полезное ископаемое, а в его руках будет кое-что более серьезное.

Ми-26 – здоровенный аппарат, и даже восьмитонная бомба на борту ему нипочем. Не так давно ее грузили на случай «если что». «Если что» наступает всегда, и всегда вместе с «откуда не ждали». Капитану даже сняли наручники. Толку-то. Ничего изменить он уже не мог. Попытаться деактивировать бомбу под дулами спецназовцев? Попытаться объяснить этим странным существам, что и у них тоже нет шансов? Хоть бы уже Арно это сделала. Он почти видел, как она облизывает губы в предвкушении. Коваль подумал, что все-таки он лучше ее. Он просто выполнял приказы, ему не нравилось убивать. Но он так же легко планировал смерти.

За секунды до взрыва капли тьмы вырвались из всех спецназовцев. Наконец они умерли по-настоящему. Коваль успел увидеть, как капли соединились в кляксу, а та просочилась в ковчег. Ковалю даже стало интересно, существует ли хоть какая-то защита от этого. И капитан засмеялся. Если бы знать – либо вообще не трогать, либо вывезти куда-нибудь на Луну, на темную сторону. Ковалев смеялся, он знал, где закончится путешествие ковчег. Ирина Арно ввела нужную комбинацию для дистанционного взрывателя, слушая его смех.

Вертолет не случайно поставили на самом краю аэродрома. Теперь трудно было бы представить, что эта гора мусора мгновение назад была чем-то целым, да еще и поднималась в воздух.

От контейнера каким-то чудом осталась только крышка, зато сам ковчег был цел и невредим. На самом деле никакой рикошет не справился бы с этим крымским ящиком.

Арно везла ковчег в Москву на выдавшем виды мини-вэне. Три фэсэошника и она. Больше никаких проверок, никаких форс-мажоров – только пробки и плохие дороги. Вечером они уже заезжали во двор на Софиевской набережной, прямо напротив Кремля, к дому с двухсотлетней историей, принадлежавшему нефтяной корпорации (иначе было бы: Кремля, принадлежавшего...), которая вполне могла бы заявить, что это не их штаб-квартира располагалась напротив Кремля, а Кремлю повезло оказаться буквально через речку.

Ковчег разместили в подвале, оборудованном под лабораторию. Тем, кто попал в нее, очень повезло, по крайней мере они так думали – не столько лучшие из лучших, сколько самые дорогие. Оборудование штучное и потому в десятки раз дороже стандартного. Меры безопасности такие, что, если бы речь шла о создании термоядерного реактора, их бы тоже хватило.

Время шло. В доме на Софиевской набережной считали, что все идет по плану, Арно знала – нет плана, есть счетчик, и осталось всего ничего...

Время шло, а ученые все не решались. Человеку со странной фигурой хотелось увидеть хоть какой-то результат. И ковчег решили открыть. Все были против, но, соглашаясь на тройной гонорар, надо быть готовым, что он выдается не просто так.

Федеральные каналы выстроились камерами, словно приготовились к залпу. Ученые начали задуманное. Арно сидела рядом с хозяином компании – она думала об обещанном. И это был не маленький дом на берегу самого уютного из морей, в крошечном итальянском городе. И не новая московская квартира с паркингом – компания выполнила свои обязательства, но Ирина ждала другого.

Три месяца назад мужчина с таким избытком веса, что он уже казался существом другой породы, ждал ее в маленькой питерской однушке. Он назвал себя Купцом. Торговаться он умел – они договорились, и обошлось без подписи кровью на контракте. За три месяца ей удалось все – и экспедиция в Крым, и марш из Крыма в Москву. Сейчас Арно боялась даже признаться себе, что получила все, что обещал Купец. В том числе то сладкое чувство, которое она испытала, держа в руках оружие. Она знала, что сделала все и получила все, а значит, больше не нужна. Бежать, и ее новый дом – нехудшее место, но она все еще была в Москве, на Софиевской набережной. Арно решила дожидаться финала.

Вскрыть ковчег не получалось. Позор в прямом эфире затягивался. Лазерная резка не дала ничего. Криогенная продемонстрировала только то, что деньги компания тратила не просто так – вот и на такие технологии расщедрились.

Крышка ковчега мягко отошла в сторону как раз в тот момент, когда криогенную резку отрубили и собирались взять небольшую паузу, чтобы изобрести какой-нибудь новый способ точечного уничтожения материи.

Успели подхватить и аккуратно уложить крышку на пол. Камеры не следили за лаборантами. Они снимали внутренность ковчега – он был разделен перегородками на семь отделов. В каждой из шести ячеек поменьше – по одному черному кокону. В центральном отделе, занимавшем половину всего объема, тоже кокон, по сравнению с собратьями – гигант.

Неделю ковчег с коконами показывали по всем телеканалам. Результаты сканирования, результаты проб. Цифры, графики, комментарии – из сказанного понятно было только одно: в ковчеге содержится тринадцать образцов с высоким содержанием белка.

Ни одного комментария от церкви. Молчали имамы, раввины и патриархи. Не было ни знаков, ни знамений, ни мессий, ни пророчеств.

Арно похудела – ждала, а заветное страшное все не сбывалось. В конце концов хозяину компании тоже надоело ждать, он решил ускорить процесс. Снова в прямом эфире.

Три камеры работали для избранного зрителя. Хозяин компании наблюдал за картинкой в своем кабинете. Вместе с Арно. По такому случаю пили могучий коньяк, из тех, каждый глоток которого стоит ощутимую сумму.

Без рекламных пауз и дикторского сопровождения – казалось, не экран – окно, подойди и потрогай стекло... Они не сразу среагировали на тьму за окном настоящим – в комнате и так царил полумрак.

Первым в кабинете появился Купец. Появился – проявился, постепенно, так что казалось, будто он давно здесь, просто в его сторону не смотрели. Рядом еще пять фигур. Все разные, словно кто-то специально подбирал, и все же – существа одного помета.

– Здравствуй, Ирина, – Купец сделал шаг и закрыл своей тушей экран. – Ты довольна сделкой?

– Все заканчивается?

– Я говорю иначе – сделка закрыта, – Купец протянул руку, будто хотел просто поправить локон. Касание – и Ирина Арно кончилась. Обмякшее тело-оболочка полулежало в кресле.

– Вы нам очень помогли, – было не вполне понятно, Купец все еще говорил с Ириной или уже обратился к хозяину кабинета.

– Я рассчитывал, что получу что-то в обмен на эту помощь, – хозяина компании не смущал труп в соседнем кресле. Не удивляли люди, без спросу появившиеся в кабинете. Он был слишком значим, чтобы с ним что-то могло случиться без сделки, и он был почти рад, что наконец что-то происходит.

Купец улыбнулся, улыбались и четверо из его... пожалуй, хозяин назвал бы их братьями. Пятый просто не умел улыбаться, так он был устроен.

– Ты не получишь ничего, ты даже не узнаешь, зачем все это было сыграно, – он так же легко коснулся человека в плохо сидящем костюме. И тот, так же, как и Ирина Арно, перестал быть живым.

Купец, Шутник, Привратник, Доктор, Мертвец и Охотник – шестеро падших пришли в Москву.

После изучения записи стало понятно, как и в случае со вскрытием ковчега, что от усилий людей уже ничего не зависело. Тонкие, почти невидимые струи уже тянулись во все стороны из ковчега. Кто-то в маске коснулся скальпелем центрального кокона. Так начались тридцать дней тьмы...

* * *

Леша сегодня остался дома один. Одиночество должно было скоро кончиться, но, пока ключ отца не звякнул в скважине входной двери, Леша боялся. Чтобы не заплакать – плакать в свои восемь лет Леша считал позором, – мальчик решил действовать. Для начала он включил весь свет в квартире – лампу настольную и торшер, люстру на всю катушку, ночник, светильник в кухне и лампочку в коридоре. Стало светло, но все равно было страшно.

Попробовал играть на пианино. Точнее, стучать по клавишам, что запрещалось и чего всегда хотелось, но только не сейчас. Каждая клавиша звучала угрожающе и слишком-слишком громко.

Леша решительно отодвинул стол к стене и поставил прямо по центру комнаты стул. Здесь – подальше от стен, под самой люстрой – он почти перестал бояться. Леша залез с ногами на стул, прихватив томик Конан Дойля, и снова принялся ждать. Здесь он был уверен, что никакая пестрая лента не сможет подобраться к нему незаметно. Спокойствия добавлял и сташенный по такому важному случаю – отцовский перочинный нож. Большое лезвие было открыто, чтобы, если надо – успеть.

Леша встал и в очередной раз осмотрел комнату, на этот раз с высоты своего положения. Впервые за все восемь лет своей жизни он увидел узор паркета с высоты, целиком, так, как его когда-то придумали. В сантиметре от правой передней ножки стула мальчик увидел чернильное пятнышко. Сначала Леша решил, что ему показалось, но клякса прямо на глазах стала больше. Почти забыв о своих страхах, он следил за ней уже не отрываясь. Пятнышко стало еще крупнее. Теперь оно не просто занимало площадь, у него появился объем, пятно отбрасывало микроскопическую тень и продолжало расти.

Увеличившись в несколько раз, оно добралось до ножки стула. Это уже было неинтересно, это мальчика разозлило, он сделал достаточно для того, чтобы рядом ничего опасного не было. Когда, соскочив со стула, Леша решительно сдвинул его на полметра от пятна, на полу была уже черная лужица сантиметров пять в диаметре. Снова вскарабкавшись на стул, мальчик с удивлением обнаружил, что весь пол усеян островками черного. Прошло не больше минуты, и островки слились вместе – весь пол комнаты покрылся черной блестящей пленкой.

Освоив завоеванное пространство, чернота поползла вверх – по стенам, по ножкам столов и стульев, по шторам. Теперь она не делала пауз – планомерно поглощала вертикаль. Леша уже не ждал звука ключей в замке, он ждал, когда чернота доберется до него. Мальчик не знал, что с другой стороны входной двери стоял его отец. Черная пленка поднялась до щиколоток его ног, и этого хватило, чтобы он уже никогда не вытащил из кармана ключи.

Когда черная пленка полностью скрыла ножки Лешинного стула, мальчик прыгнул. На мгновение он оторвался от плоскости сиденья. Этого мгновения как раз хватило, чтобы, вдруг ускорившись, пленка покрыла сиденье стула и выбросила вверх к мальчику черные побеги. Одного касания оказалось достаточно. То, что вернулось из высшей точки прыжка, уже не было Лешей.

Бомж, по кличке Толстый, еще не так давно отзывавшийся в офисе на Михаила Владимировича, а дома на Мишеньку, бывший человек с уважаемой должностью и скучным, но казавшимся абсолютно надежным будущим, задумчиво разглядывал десять копеек, лежащих у водосточной трубы. Уже больше года прошло, как он остался без работы, да так ее и не нашел и, уже даже не пытаясь что-то изменить, перебивался подающими друзьями и знакомых, бывшей жены и детей, которые, конечно, бывшими не бывают, но его они не называли папой. Он был – биологическим отцом, то есть чем-то равноудаленным и от уважения, и от любви.

Десять копеек не делали погоды, рубль не изменил бы ничего, важен был принцип. Краем глаза Толстый приметил жестяную банку из-под пива, прямо здесь и сейчас он мог начать зарабатывать. Сто банок могли бы на пару дней отодвинуть необходимость снова у кого-то брать в долг.

Толстый не смотрел по сторонам, он боялся увидеть что-то, что сможет его остановить. Он не видел, как черная волна разливается по асфальту. Он видел лишь кругляшок монеты и банку. Наконец он решился, и, когда его пальцы дотянулись до монетки, он коснулся асфальта, уже черного, уже другого. Толстый так и не выпрямился. Он даже не успел удивиться.

Черная волна заливала город. Замирали прохожие, пассажиры не успевали сделать шаг, спускаясь с высоты подножки троллейбуса, разом оборвался лай бездомных собак. Машины с навек застывшими водителями одна за другой врезались в дома, в другие машины, просто останавливались... Тысячи аварий – почти без жертв. Уже некому было становиться жертвой.

Тамару Кисилеву камера показывала крупным планом, что не так часто случалось в практике прямых эфиров информационного вещания. Тамара увидела что-то за кадром, что напугала её сильнее, чем высокий гнев начальства. Зрители никогда не видели визжащих дикторов федерального канала – этот день наступил. Еще им удалось наконец увидеть то, чему, казалось, навсегда суждено остаться тайной, спрятанной под поверхностью стола.

Кисилевой было все равно, что эфир все еще продолжался. Она видела черную лужу, затопившую павильон, она видела, как оператор застыл, стоило этой черной жиже добраться до его ног, и теперь и он, и режиссер трансляции застыли неподвижно. Все, что ей оставалось, это вылезти с ногами на стол и визжать прямо в камеру, моля о помощи.

У этого выхода новостей должен был состояться рекордный рейтинг. Вся страна не дыша смотрела, как диктор Кисилева кричала, умоляла, плакала и, наконец, умерла, стоило странному черному веществу коснуться её стройных, обтянутых тонкими колготками ног.

Рекорд не состоялся. Без полных десяти миллионов зрителей Москвы до рекорда было не дотянуть. Ниже пятого этажа москвичей и гостей столицы уже просто не было.

Президент страны возвращался из Видного. Трехдневный отпуск был, как всегда, кстати и, как всегда, прошел именно так, как это было нужно. Сейчас, на подлете к Москве, он перебирал все версии – путч, переворот, теракт? Но тогда бы не молчали теле- и радиоканалы. Любой переворот непременно к чему-то зовет, кого-то клеймит, чего-то требует – что угодно, но не молчит. Президент всегда был осторожен и в осторожности своей непредсказуем, это частенько спасало его раньше, так же он поступил и теперь. Президентский вертолет не пошел на посадку, он, плавно накренившись, взял новый курс – на север от Москвы, в новую президентскую резиденцию. Если бы пилот повел вертолет не над городом, а облетел по кривой, у страны появился бы шанс.

Язык тьмы вылетел с Останкинской башни и черной кляксой упал на винты, большую часть черноты разбросало, но хватило и того небольшого, что попало на корпус и просочилось внутрь. Вертолет рухнул, не пролетев и километра, напрочь снеся половину бетонной восьмизатяжки. На этот раз – тоже обошлось без жертв.

Тьма пожрала Город, не пропустив ни трещинки в асфальте, ни заброшенного пустыря, мерно одолев спальные массивы, легко расправившись с особняками за бетонными стенами и общежитиями на окраинах, не делая различий между местными и приезжими. Над Москвой металась обезумевшие пернатые. На следующий день не стало и птиц.

Тридцать дней Москва стояла – пустая и черная. Тридцать дней она продолжала пожирать каждого, кто рискнул перейти черту.

Месяца оказалось вполне достаточно, чтобы без центральных офисов и без Центробанка, без башни Газпрома, без совещаний, планерок страна тихо расползлась, расклеилась.

И каждый раз находился хозяин для всего ценного – местный или заезжий, с опаской поглядывающий в сторону бывшей столицы – не вернулись ли прежние владыки.

В ночь тридцатого дня – тьма рассеялась. Отступила. Позиции по периметру третьего транспортного кольца Москвы заняли бойцы Таманской дивизии. В самом городе появилась новая жизнь. Ожили телеканалы, заработали радиостанции. Президент, обращаясь к стране и миру, начал свою речь с тогда еще непонятного: «Называйте нас – падшие».

Речь президента устроила тех, кто боялся. Москва никому не грозила и ничего не хотела вернуть. Москва приглашала в гости, звала, ждала, соблазняла. Послание длилось пять минут и после первой трансляции повторялось ежедневно в девять утра, в час дня и десять вечера. Каждый день. Слово в слово президент повторял одни и те же фразы с одними и теми же интонациями, каждый раз – в прямом эфире.

Глава первая

Два танка и один сейф

*По статистике, танки вскрывают куда реже сейфов.
Руководство «Прятки для профессионалов»*

Полуподвал на Фуриштатской был снят по случаю и долго работал складом всего ненужного и забытого. Так могло продолжаться очень долго, если бы Антону Стрельцову не надоело общаться с клиентами дома. Самый приятный человек в еще рабочий вечер пятницы легко превращается в кошмар субботнего утра.

Сегодня было как раз утро, как раз субботы. Прошло не больше пяти минут между первым и пятнадцатым звонком в дверь, как Антон уже дошел до прихожей, чтобы поинтересоваться, кто это там такой упорный? Понадобилось еще полминуты, чтобы ответ заставил повернуть ключи в замке.

Зрелище Антона Стрельцова уже на ногах, но все еще с закрытыми глазами досталось Мите Бродскому – мужчине немного за сорок, с талией далеко за сто. Бродский решил, что он непременно должен увидеть Антона. Именно сегодня. С утра пораньше. Поговорить. Поблагодарить. Передать привет от жены и счастливой тещи.

Где-то к пятнадцатой минуте словоизвержения Бродского, синхронно с наконец начавшими открываться глазами, у Антона наладилась и память. Год назад он привез жене Мити талисман от алкоголизма. Вероятно, для мужа. Похоже – помогло.

От Бродского избавилась Ленка. Бродский замолчал – он не мог одновременно смотреть на Ленку и говорить.

Белокожая брюнетка с огромными синими глазами, утром в субботу, в мужниной рубашке, кончающейся достаточно далеко от коленок, желтых махровых носках, еще без косметики – она была прекрасна. Антон ей это говорил каждое утро, и каждое утро она делала вид, что не верит.

На тонкой шее, разворот рубахи – лучший из вариантов декольте – тонкая цепочка с кулоном, иссиня-черный оберег «Ведьмина слеза» – в цвет глаз, подарок Антона, память о первой ходке в Москву.

Сказано было четко, с правильной интонацией: «Домой! К жене! Быстро!» Так Ленка разговаривала с бродячими собаками, подчиненными и чужими мужчинами. Бродский сейчас смотрел глазами ждущей еды и тепла дворняжки, он ждал команды и был готов выполнить любую. Большая коробка в подарочной упаковке с полосатым бумажным бантом была вытащена из пакета и водружена на стол. Сам Бродский ретировался со скоростью неудачливого любовника, который просто по случаю не прыгнул с балкона, а спустился по лестнице...

Несмотря на железную уверенность, что он уже дома и жена рядом, Антон тоже почувствовал непреодолимое желание выполнить команду. То есть тоже срочно пойти домой. Ленка умела сказать правильно, так что шансов на невыполнение команды не оставалось. Пользовалась своим даром редко. И всегда вовремя.

В коробке было что-то тяжелое. Под цветной бумагой и бантом притаился черный хищный металл. Смешной толстый человек подарил Антону пистолет – новенькую беретту. Мило. Что бы он подарил, если бы остался недоволен?

Суббота. Значит – две чашки тонкого фарфора, самое дорогое, что было у них в доме. Напиток – долго завариваемый, из пяти сортов чая и со щепоткой чего-то секретного. Антону

было все равно, лишь бы горячий, мокрый и с сахаром. Но ритуал не нарушал. Это был её ритуал.

Частью ритуала был бросок двух кубиков рафинада. Особый шик был не просто в попадании – у Лены с тем, чтобы вылетевшее залетало точно в цель, проблем не было вообще никогда. Кубики падали в чашку практически без всплеска. Ленка шутила: если прижмет, будет выступать с этим номером на корпоративах.

Как-то Антон попытался сыграть с Леной в баскетбол. Бездарно. У него могли появиться шансы, если бы она шла в обыгрыш, попыталась прорваться под кольцо. Увы. Она просто бросала и попадала. Как бы хорошо ни играл противник, рано или поздно он бы промахнулся. Лена – нет.

Ей нравились бильярд, дартс, все виды спорта, где нужна была точность. И Антон покорно играл с ней и всегда проигрывал. Ему нравилась ее радость. Еще Ленка никогда не играла на деньги. Считала свой дар чудом и боялась, что стоит заработать хоть рубль – и чудо кончится. Антон не спорил.

Стрельцов редко дарил Ленке цветы, но всегда был бережен. Иногда ему казалось, что, если он будет достаточно протяжен во времени и пространстве, чтобы всякий раз встать между Ленкой и бедой, этого будет достаточно, чтобы умереть счастливым.

Антон пригубил чай, он никак не мог привыкнуть к этому вкусу.

– Ты появилась эффектно, я думал, Бродского инфаркт хватит от рубашечки до признаков пола.

– Над этим эффектом кое-кто долго работал и совсем не для всяких толстых Бродских. Антон Стрельцов, может, пора открыть офис? А то в следующий раз придет кто-нибудь не такой впечатлительный. И не такой послушный. И, вполне возможно, не для того, чтобы сказать спасибо. Придется вызывать полицию. Зачем нам здесь полиция?

Так, отчасти благодаря Мите Бродскому, полуподвал на Фурштатской получил новую дверь, домофон, стол, кресла, бар и сейф. Два последних предмета привез Влад – единственный партнер Антона. В комплекте с баром шло еще кое-что – ящик дагестанского коньяка. Влад Лозинский не верил, что нормальный человек может пить «Хеннесси» без содрогания.

Сейф был пуст. Сейф был огромен. Сейф стал главным объектом свежее испеченного офиса. Стоящий отдельно, пугая своей бронированной весомостью, он сообщал посетителю сразу о множестве вещей самым фактом своего существования. Было件нятно, что просто так это чудовище никто бы не привез. Оно для чего-то нужно. В сейфе торчали ключи. Это был намек. Оттуда только что либо достали что-то особо ценное, либо туда что-то спрятали.

Клиенты могли говорить о чем угодно, думали они об одном – что внутри? Влад никогда не дарил бесполезных вещей.

Влад Лозинский, огромный, рыжий, с зелеными глазами, в принципе был человеком редких дарований. Настолько редких, что рассмотреть их было довольно трудно, потому как процедура рассмотрения требовала немало времени и внимания, которые находились далеко не у всех. Большая часть людей, которым довелось познакомиться с рыжим гигантом, были рады оказаться от него на безопасном расстоянии.

Антон познакомился с Владом во время Псковского инцидента. У него не было возможности держаться подальше от Влада. Лозинский был сержантом, Стрельцов – рядовым. Дистанцию определял старший по званию.

Их отделение должно было обозначить тот факт, что восточнее озера Лесицкое эстонцам не пройти. Приказ был незамысловатым – удерживать позицию, то есть окопаться прямо на грунтовой дороге, идущей между озером и лесом. Командование имело в виду героическую смерть отделения.

Эстонцы были не в курсе планов командования войсками Балтийской республики, но странным образом попыталось их выполнить. То есть пять человек отделения Лозинского не убедили эстонцев в том, что граница на замке. Автоматы и гранаты, даже с учетом окопа, – довольно слабый аргумент против звена вертолетов янки. Это для американцев они были уже устаревшими, а для бойцов Балтийской республики – чудо техники. Если бы не сержант Влад Лозинский, осталась бы от отделения неглубокая братская могила.

У Влада были другие планы: в распорядке дня смерть от исполнительности, стремительно переходящей в глупость, – не значилась. К тому моменту, когда вертолеты показались из-за озера, отделение организованно отступило в лес. Было не стыдно, было страшно – что дальше? Отступление перед отчетливо превосходящими силами противника не было запланировано командованием, а значит, автоматически превращало отделение Влада в дезертиров. Отсиживаться в лесу всю жизнь не хотелось, но казалось уже неизбежным – наказание для дезертиров по законам Балтийской республики предполагало высшую меру и срока давности не имело. Что логично. Как еще можно заставить человека умереть – только под угрозой расстрела.

На следующий день по месту, проутюженному вертолетами, прошли танки. Целых два. Сержант Лозинский решил, что эстонские «Абрамсы» – это как раз то, что может спасти отделение и от самоубийства, и от казни.

Чтобы добросить гранату до вертолета, нужно быть олимпийским чемпионом по чему-нибудь метательному – и все равно не поможет. А вот до танка они долетают легко.

Если бы эстонцев не заверили, что любой, кто может представлять опасность для их танков, уже был заботливо уложен командованием противника под пулеметы и ракеты их вертолетов, может быть, они бы вспомнили, что на прогулку танки не посылают. То есть если уж тебя куда-то послали в пятидесятипятитонной дуре, то это не просто так. Можно потерпеть и любоваться видами Псковщины, не высовываясь по пояс из люка.

Получилось довольно странно. Танкист, застреленный из автомата, – это странно. Антон Стрельцов бросил гранату, и она вошла в люк, наполовину перекрытый трупом, как в воду. На все про все – от очереди по безумному танкисту до остановки танка – не больше пяти секунд. Все было даже слишком хорошо – еще целых две секунды. Пока не появился второй танк.

Это, наверное, такой особый тип мышления: если видишь что-то, чего не можешь понять, непременно подойти поближе и потрогать. Иначе трудно объяснить, зачем человеку, находящемуся под броней, выбираться наружу. Второй танк остановился рядом с первым и раскрылся командирским люком. На этот раз Антон запустил гранату без огневой подготовки. И снова попал. На памяти Антона это было сразу первое и второе его точное попадание в цель с первой попытки. Как-то еще в интернате ему удавалось попадать баскетбольным мячом в корзину, но только рикошетом от щита, только случайно и с попытки, которая уже без номера. Когда уже отчаиваешься считать.

Отделение Влада Лозинского выжило, что странно, к тому же умудрилось разжиться трофеями. Командование проявило достаточно мудрости, чтобы не интересоваться, каким образом это самое отделение не сгинуло смертью глупых и храбрых под огнем штурмовых вертолетов. Два трофейных «Абрамса» до сих пор стоят на границе с Эстонией, правда, вкопанные в землю по башни.

За время службы у Антона было достаточно времени, чтобы узнать про Влада главное. Он был надежным. Лозинский не умел рассказывать анекдоты, пил много и все равно не веселел, редкая женщина выносила его дольше, чем может понадобиться для того, чтобы собраться и уйти... С Владом было хорошо другое – с ним было хорошо молчать. И в разведку Антон пошел бы с ним легко – уже ходил.

После войны Влад разыскал Антона и с тех пор был его деловым партнером и главным поставщиком заказов. У Влада были странные связи, непостижимым образом остающиеся надежными. Правда, в последнее время клиенты все чаще приходили сами. Антон постепенно

приближался к статусу, когда заказчиков уже не ищут, а выбирают. Очередной клиент был не от Влада, и отказаться от него было трудно. Невозможно.

Глава вторая

Заказ

Величина гонорара и сложность заказа никак не связаны между собой. Они просто существуют в одной и той же точке пространственно-временного континуума...

Теория маркетинговой неопределенности

Николай Давич думал о сейфе. Для хранения его личного состояния не хватило бы всего этого дома, но думал он о сейфе. Николай Давич сохранил в себе редкое качество – способность удавить человека из-за ста долларов. Вероятно, это было что-то от предков, передавших ему этот ген вместе с фамилией. Давич холил и лелеял свой дар, и тот отвечал взаимностью.

Давич много работал, чтобы позволить себе нанимать специальных людей, которые были готовы выполнить любой приказ. Сейчас, с трудом вставившись в одно из кресел в полуподвале Стрельцова, он думал о сейфе, а трое его людей ждали команды. Чтобы выполнить команду быстро и эффективно, они стояли рядом, и ни один из них не стоял расслабленно. Комплект «Люди Давича + сейф» можно было выставить в галерее современного искусства. Композиция «Всегда на страже».

Антон Давича знал по слухам, и ни один из них не радовал. Все варианты были известны – ни один не был хорош.

Давич знал об Антоне благодаря своей службе безопасности. Репутация у Антона была, но распространялась нехотя. Официально торговля с Москвой была не запрещена, но не поощрялась.

Весь опыт Давича говорил о том, что его собеседник должен бояться. Бояться достаточно, чтобы делать то, что ему скажут, – за деньги или без. Однако же хрупкий, с тонкими, почти женскими пальцами Антон Стрельцов смотрел немного в сторону и, кажется, даже не мигал. И Давич никак не мог понять, какого цвета у него глаза. Стрельцов не боялся, Стрельцов скучал.

– Николай, вы не понимаете, о чем просите.

– Я не только понимаю, я готов заплатить, и довольно много.

– Я не вожу в Москву людей. Я не экскурсовод. Что вам мешает купить путевку?

– Путевки – это для всех. Смотреть на Москву из окна автобуса? Побывать в казино, где нет ни одного падшего? Когда я захочу просто сыграть, я летаю в Лас-Вегас. В этот раз я хочу сыграть по-крупному – и мне нужна Москва. Ты же ходок, тебе лишний раз мотнуться в Москву – как мне дорогу перейти, почему я должен тебя уговаривать?

– Почему вы вообще решили обратиться ко мне?

Давич снял очки, вытащил из пакетика салфетку, тщательно протер стекла. Ею же промокнул капельки пота на лбу. Вероятно, тренер Давича по НЛП рассказал своему клиенту, что так он выглядит особенно незащищенно. Может, у кого-нибудь другого близорукость и выглядела бы трогательно, Давичу не помогало. Как чистка челюстей мало добавляет незащищенности крокодилу.

– Антон Владимирович, в Питере около тысячи ходочков. Плюс-минус. В основном тянут всякую мелочовку – ведьмины слезы, глаза дьявола, пустые черные флешки, что там еще – короче, барахло. Примерно сотня из этой тысячи торгует больше двух лет и иногда приносит что-то действительно стоящее. И первая и вторая цифры почти не меняются, несмотря на то что почти каждый день кто-то новенький срывается в Москву. И вы, Антон, знаете почему. Потому что не возвращаются. Добираются до златоглавой – и все. Попадают к падшим на обед. Те, кто все-таки умудряется не пропасть после первой ходки, держатся не больше двух лет. Рано

или поздно Москва добирается и до них. В нашем славном городке есть всего трое ходоков со стажем почти пять лет. Один из них вы.

– Но только один из...

– Да, один из трех и единственный, с кем ни разу ничего в Москве не случилось. Валера Безверхий два раза чудом унес ноги и боится даже думать о Москве. Толик Черепанов спился. Что-то он там такое увидал, после чего без водки ему страшно, и теперь они всегда вдвоем, а ему все равно страшно. А у вас, Антон, все хорошо, жена красавица, офис сняли, можете себе позволить со мной торговаться. Поэтому мне нужны вы.

– А вы не боитесь тоже увидеть что-то такое? Как Толик?

– Я не Толик, Антон Владимирович. Вы знаете, кто я. Я из тех, кто делает домашнее задание, – я хорошо подготовился. Вы удивитесь насколько хорошо. Я кое-что знаю о падших.

– Знаете? Поделились бы с Комитетом, они уж сколько лет ищут кого-нибудь, кто знает. Или сами бы мотнулись. У вас и охрана, и знания... Я-то для чего нужен?

– Антон, не шути со мной, – вежливость Давича кончилась. Охрана совсем немного поменяла позы. Еще одна смена интонации – и они начнут двигаться. – Мне нужна твоя услуга, тебе нужны деньги. Ты отведешь меня в казино «Весна». Ты дождешься конца игры и отведешь меня назад – к Периметру. Все. Пятьдесят тысяч долларов за то, чтобы пройти по Кутузовскому до Нового Арбата и обратно.

– В казино «Весна» нельзя просто так прийти – туда зовут. Это так сложно понять? Я даже думать не хочу, что может случиться, если заявиться туда просто так.

– Именно на этот случай я тебе и плачу – чтобы ничего не случилось.

– Я не могу гарантировать...

– Не надо. Просто сделай то, что тебя дядя Коля просит, и все будет хорошо.

– Дядя Коля?

– Так меня называют друзья. Мы подружимся, я уверен.

– Вы готовы к тому, что вы не сможете сыграть? То есть мы просто прогуляемся за ваши деньги.

– Дядя Коля готов ко всему. Я же не прошу меня к Вратам отвести...

К Вратам просились многие и денег предлагали – куда уж больше. Только мертвому деньги ни к чему. Софиевская набережная – место, где вскрыли Ковчег. Ходоки считали, что там можно найти что угодно. И там Врата. Если дошел – обратно выбираться уже не придется: просто войди во Врата и попадешь куда захочешь.

Антону случалось бывать рядом. Смотрел, примеривался. Когда-нибудь. Стрельцов знал, что, если будет цел и не сойдет с ума, он попытается пройти и этот маршрут. Как любой ходок, проживший достаточно долго. Где-то у Врат должен был остаться Ковчег. Некоторые считали, что Ковчег – ключ от Москвы. Лампа Аладдина, из которой выпустили шестерых демонов. Открой крышку, подожди, пока джинны в силу своей врожденной глупости заберутся обратно, закрой – и все вернется на круги своя. А главное – не оборачиваться. Только тот сможет пройти Врата, кто ни разу не обернется и не повернет назад...

Правда, в Ковчеге было семь коконов. По странной традиции, о самом большом коконе никто даже не фантазировал. Вероятно, по той же традиции, о Вратах писал кто угодно, кроме тех, кто их прошел.

Давич легко поднялся, будто невидимые пружины выбросили его мощное тело из кресла. Мужчины, готовые к действию, пришли в движение: один контролировал Антона, остальные обеспечивали безопасный выход босса. В центре Петербурга, столицы Балтийской Республики, под носом у полиции и Комитета никому бы и в голову не пришло покушаться на Давича. Но дядя Коля не доверял никому и всегда хорошо делал домашнее задание.

Выбор у Стрельцова был небольшим – получить деньги и сделать то, что просил Давич, или сделать то же самое, но бесплатно. Когда дядя Коля о чем-то просил – ему не отказывали. Тот факт, что он кого-то просит, вовсе не означал, что он не может заставить. Просто попросить – обычно дешевле и работает лучше. Такая нехитрая арифметика.

Теоретически от Антона в этот раз требовалось мало – сопроводить. Антон знал – ходка будет адской. Его грела только одна мысль: Москва способна пережевать любого Давича. Там дяде Коле придется иметь дело с падшими, а тех нельзя ни уговорить, ни заставить. И боже упаси им угрожать!.. Падшие могли торговаться, могли улыбаться и сердиться, смеяться и радоваться. На самом деле значение имело только одно – насколько они голодны.

Ночь перед ходкой Антон не спал. Не спала и Лена. Так повелось. Тихо лежали обнявшись. Так же, как и каждый раз, когда Антон собирался в дорогу, послушно зарядил дождь. Капли льнули к окну, пытались удержаться на стекле и безнадежно соскальзывали на подоконник, чтобы не удержаться и там, упасть и разбиться.

Без пяти пять Стрельцов встал, поправил одеяло, оделся, накинул на плечо собранную накануне сумку и вышел. Ленка не любила прощаться. Считала, пока вместе – незачем.

Стрельцов ненавидел зонтики. Стрельцов не выходил из дому без черного, на деревянной ручке, маскирующегося под трость складного щита от дождя. Перед ходкой Антон никогда не пересекал свой двор по прямой. Из-за слишком глубокой лужи посередине.

Глава третья

Периметр

*Хорошо нарисованное всегда продается лучше хорошо сделанного.
Учебник по маркетингу «Работать с государством – как?»*

Т-95. Шестнадцать штук. Ежеутренне и ежевечерне вымытые, ежемесячно подкрашиваемые. Круглосуточно – с полным экипажем на борту, с заведенными движками. Можно не сомневаться – с полным боекомплект. Моща: основная 152-миллиметровая пушка, 118-миллиметровая пушка, зенитный пулемет. Сорок два кумулятивных снаряда, 18 ПТУРСов, две крылатые ракеты на борту. Генерал Парыпин, командующий Таманской дивизией, хозяин Периметра, мог себе это позволить.

Шестнадцать матовых темно-зеленых монстров были выставлены здесь для красоты. Настоящая линия обороны была куда менее заметна и куда более эффективна.

Кордон вокруг Москвы начинался за добрых два километра до пятиметровой бетонной стены, окружавшей бывшую столицу. Два километра минных полей, автоматических пулеметных гнезд, колючей проволоки и противотанковых рвов. А танки... Генерал Парыпин любил танки, и поэтому каждый, кто попадал в Периметр, кому удалось пройти три линии досмотра и дожидаться, когда над створками ворот красный сменится желтым, видел шестнадцать Т-95.

Низкая башня, вынесенная далеко назад, прорезиненные траки, слой активной брони и пулемет в отдельной башенке. Непокойный – то влево, то вправо. То вниз, то вверх. Входящий в Периметр не должен облегченно вздохнуть.

Здесь все медленно. Полосу кордона быстрее чем за час не преодолеть. Ни в Москву, ни из Москвы. Повороты, остановки, блокпосты. Торопиться получается только снаружи. В пятидесяти с лишним километрах от Периметра – международный хаб Кубинка. Там хочешь – самолетом, хочешь – поездом, хочешь – по автобану, выбирай скорость и маршрут. Там уже натовцы. Там кондиционеры, тележки для багажа, туалеты с горячей водой, комнаты для курения направо, комнаты для молитвы налево, прямо – «Старбак», стопроцентная арабика.

Артефакты, вывезенные из Москвы, с каждой секундой теряют свою силу, но кордон есть кордон – шестьдесят минут, выброшенных зря, никто не отменял и расстояния, поэтому вывозить из бывшей столицы имеет смысл только самые сильные обереги, рассчитанные на недели, месяцы и годы.

На пулеметы Антон уже давно не обращал внимания. Раздражали вертолеты. Слишком быстрые и малошумные, чтобы успеть приготовиться к их появлению над головой. Раньше их не было, а сейчас почему-то раздражал даже не столько сам факт, сколько то, что, как Стрельцов ни старался, модель было не разобрать. Точно что-то из новенького, скорее всего какие-нибудь Ка с израильской электроникой.

Давич держался на удивление спокойно – вероятно, в его бурной биографии имели место и вертолеты. Хуже было с его спутниками – два джипа, полностью набитых мужчинами средних лет, средней внешности, в неприметных дорожных костюмах. Давич передвигался отдельно – в лимузине. И не один. Две милые девушки и еще один мужчина. Девушки ехали на экскурсию, выпитое, подаренное и обещанное нужно было отработать, и они понимали, что это справедливо.

Мужчина в лимузине был представителем редкой породы. Он почти никогда не показывался вместе с Давичем.

Достаточно было и того, что все знали: хозяин у Елизара не менялся. Елизар не вел переговоры – он их заканчивал. Всегда в свою пользу. Немаленького роста, с непропорционально большой остроконечной головой – обычно ему достаточно было просто смотреть и молчать.

Антон не соблазнился ни лимузином, ни его содержимым. Его старенькая «хонда» за шесть часов по автобану легко доставила своего хозяина до Периметра. Он не устал, размяться чуть-чуть – и можно снова за руль, только не придется. В Москве на машинах ездят только местные.

Стрельцов всегда приезжал к Ленинградским воротам. Мало кто из ходоков даже из Питера пользовался ими. До следующих можно было добраться по окружной за полчаса, зато там не было штаб-квартиры генерала Парыпина, командира таманцев, как говорят человека не вполне нормального и со странностями. Странности выражались в том, что генерал время от времени лично проверял, как и что происходит на вверенной ему территории, и на Ленинградских воротах образовывались пробки. И ладно бы по дороге туда, но когда обратно, с артефактами, которые теряют свою стоимость с каждой минутой простоя...

Антону везло. Генерала видел, но издалека, и менять эту традицию не хотелось. Пока Ленинградские ворота оставались для него счастливыми.

Давич выкарабкался из лимузина, не пошел – тронулся. Командир маленькой армии. Боевики разом забыли о расслабленности – глаза шарят по сторонам, каждый следит за своим сектором, успевая присмотреть за соседними. Пиджаки расстегнуты – Антон аж присвистнул: дальше контроля они не пройдут. В Москву пускали всех. Не пускали оружие. У таманцев были простые правила: не пускать в Москву оружие и взрывчатку, не выпускать падших и контрактников.

Антон притормозил, решил насладиться предстоящим шоу, ему как-то уже довелось увидеть, как таманцы делают это. Они не обыскивали. Удаляли все лишнее и не лишнее тоже. То есть чтобы отсечь все ненужное наверняка.

Впереди еще одна стена – тоже бетон, сверху колючка под током, вышки с пулеметчиками. Подойти к стене вплотную можно только в одном месте – к воротам между пулеметными башнями. Слева, справа от ворот перед стеной – проволочная ограда, за ней – восточноевропейские овчарки, спокойные, экономные в движениях литых мышц – скалятся. Ждут, чтобы кто-нибудь рискнул, надеются.

Желтый. Створки поползли в сторону. Всегда не до конца – ровно на столько, чтобы можно было протиснуться, не ободрав бока. Над воротами башенка, в ней таманец, под шлемом-каскай – маска, таманцы лиц не показывают. Никто никогда не встречал дембеля из Таманской. Наборы идут, а демобилизованных нет. Так и служат до смерти?

Давич прошел мимо охраны, прошли его телохранители. Рамка звенела не прекращая. Когда очередь дошла до девушек, наконец все смолкло. Таманцы замерли за бронестеклом – не слышащие, неподвижные. Антон все ждал, когда что-то случится. Ничего. Плюнул. Первый раз прошел створ, не выкладывая металлическую мелочь из карманов.

Желтый сменился красным, створки сомкнулись.

Последний раз таманцы были подняты по боевой тревоге пять лет назад, когда НАТО попыталось нанести удар с воздуха. Система ПВО отработала штатно. Одна бомба взорвалась. Над Белоруссией, где-то под Оршей. На отношения между Белоруссией и Москвой это не повлияло. Разве что падшие заработали больше денег на медицинских артефактах. На отношения между НАТО и Белоруссией – тоже. Заплатили компенсацию – вот и вся печаль. Генерал Парыпин поддерживал нейтралитет, со временем даже в НАТО решили, что оно и к лучшему.

За полгода до атаки натовцев погиб Охотник. Один из шестерых падших – тех, кто, по легенде, вылупил из коконов. Охотник шутя прошел сквозь пулеметный огонь и минные

поля, не отреагировал на два попадания ПТУРСов – чтобы погибнуть, просто отойдя от Периметра на пятьдесят метров. Рассказывали – растекся по земле черной лужицей, а та в минуту высохла, и не осталось вообще ничего.

Кто-то верил в огневую мощь таманцев, кто-то – и таких было большинство – в то, что стоит падшему отойти от Периметра, как земля русская воспрянет ото сна и убьет демона.

Так или иначе – нигде за пределами Москвы падших не было. Что-то их удерживало в пределах МКАД, что-то, с чем не смог справиться Охотник – падший, на счету которого было больше жизней, чем у небольшой армии в какой-нибудь жаркой африканской войнушке.

С тех пор как была открыта крышка Ковчега, на карте появилось место, где обитали самые страшные кошмары. Периметр, тонкая линия между Москвой и всем остальным миром, был не гарантией – всего лишь надеждой на то, что «все будет хорошо». Плата за вход, право на выход. Если бы Парыпин захотел, ему доплачивали бы только за то, что он есть. Пока не хотел. Генералу хватало.

Глава четвертая

Кутузовский проспект

Чужое дарить легко.
Бестселлер «Простые секреты счастья»

Внутри кордона солнце не пекло. Светило не напрягаясь. В Москве всегда не жарко, и всегда проблемы со связью. Глобальные проблемы – ее просто нет. Мобильной, спутниковой, проводной. Никакой.

Москва словно застыла в состоянии воскресного утра – дремлющая мощь, да только уже так и не проснется никогда. Редкие для бывшей столицы машины, гулкое эхо, одинокие прохожие. Предраассветный час растянулся на годы, не замечая движения солнца. В чреве города шли поезда, терминалы принимали грузы, высасывая внутренности вагонов. На поверхности – тысячи людей, размазанных тонким слоем по все еще огромному городу. Даже если кричать – до соседней улицы донесется только шепот. Москва превратилась в музей себя. С опасными и недобрыми экспонатами.

Новые туфли немного жали, ничего – перетерпится. Антон без комплексов посещал московские офисы в джинсах, свитере и кроссовках, но ради казино решил приодеться. То есть все равно джинсы, просто реже носимые, рубаша – белая, из льна уже мятого и потому немнущегося. Всегдашняя сумка-портфель с ремнем через плечо, старая потертая кожа смотрится стильно, куртка кожаная, одного возраста с портфелем, зонтик-трость возраста неопределенного, доставшийся от отца.

Ему все равно не дотянуть даже до имиджа охраны Давича, но на охранника охранника, точнее, на курьера охранника он тянул.

У Периметра застыли контрактники-рикши в своих красных костюмах. Ну да – не поедет же Давич на метро, Давич поедет со всеми удобствами. Антона передернуло: маленький человечек все-таки умудрился взять вес, и теперь Давич свысока наблюдал за остальными.

– Антон, выбирай «лошадку» – я плачу.

Еще полгода назад по Москве приезжие передвигались либо на метро, либо пешком, либо по туристическим маршрутам. По самому популярному и самому дешевому ходил десяток списанных лондонских даблдекеров. От Периметра до Красной площади, потом круг по Садовому кольцу и наконец единственная остановка на Трех вокзалах. Уже за Периметром. Теперь на площади Трех вокзалов не было поездов – были крупнейшие в Европе казино. Близость Периметра утраивала ставки, игрокам казалось, что они в Москве. До Москвы было несколько десятков метров – до Москвы было как до космоса. В любом казино по эту сторону от Периметра можно было выиграть только деньги.

Полгода назад в Москве появились рикши. Контрактники таскали туристов по всему городу, и пока – ни одного нападения, ни одного исчезнувшего. Приезжие пропадали в метро, гибли в даблдекерах, исчезали даже таманцы, выдернутые из бетонных гнезд. Рикши сновали по Москве открытые любому удару – идеальные цели и при этом неуязвимые, видно, падшие пока только нагуливали аппетит.

Красный костюм подкатил свою повозку. Молчит – голова опущена, будто доллар на мостовой ищет. Подождет. Вместе с Давичем и его «армией».

В самом начале Кутузовского, точнее, в начале того, что от него осталось, – скала. Наверное, раньше это был дом – откуда в Москве скалы? На самом верху каменюки кто-то взгро-

моздил крест. И ничего – стоит. Хотели бы – снесли. Видно, местным не мешает. Им вообще мало что мешает. Все церкви внутри третьего транспортного кольца остались целы.

Так же как в первый, и как во второй, и как в каждый из разов, перед тем как идти дальше, Антон подошел к скале, перекрестился, поцеловал нательный крестик и, не оборачиваясь, вернулся к рикшам.

Здесь – все так. Если жив пока, значит, соблюдай все приметы. Если жив пока, значит, делай все так же – один в один. Кто знает, что из того, что ты сделал, залог того, что вернешься, и вернешься целым.

Седушка оказалась мягкой, а контрактник вдруг поднял голову и улыбнулся, Антону чуть полегчало. Было тошно, что кто-то его на своем горбу потащит. Давич не был бы Давичем, если бы не вытащил плеть. Антон огляделся – точно такая же была и у него в повозке, в специальном зажиме у правого подлокотника. Повозка Давича заметно прибавила и, обойдя по широкой дуге Антона, вышла вперед.

Слева и справа от босса, вцепившись руками в бортики, резво перебирая ногами, дружным аллюром вышагивали охранники. Девочки держались за бортик сзади – на каблуках им было тяжело, но они старались. Старательность становится довольно распространенной вещью, когда от нее зависит жизнь. В любой ситуации Антон получил бы удовольствие от этого зрелища. Девушки из всех сил вышагивали позади коляски, их выпуклые ягодицы выписывали фигуры, которые заставляли думать только об одном: как бы догнать и остаться наедине с хозяйкой столь подвижных форм. Рикша Антона прибавил. Он тоже был мужчиной.

Фокус был в том, чтобы держаться и не отставать. Во время инструктажа Давич слушал настолько внимательно, что Стрельцов даже начал надеяться, что все кончится хорошо. Он был уверен и в девочках. Они были достаточно напуганы, чтобы делать все правильно. С охранной теоретически проблем быть не должно – народ дисциплинированный, привык жить по инструкциям. Трудности у таких начинаются, когда одни инструкции вступают в противоречие с другими.

Сам Стрельцов неожиданно для себя тоже стал новичком. Он впервые ехал по Кутузовскому. Ему привычнее было дворами или в метро – падшие редко заходили во дворы, а уж в метро не спускались никогда.

В отличие от других ходоков с именем, у Антона не было никаких особых секретов выживания: в Сети было достаточно информации о каждом метре, который покорился другим. Нужно было всего лишь уметь отделить враньё от реальных отчетов – и, может быть, именно это и был тот дар, который позволял Антону возвращаться.

Сам Стрельцов не сочинял отчеты, только иногда комментировал чужие. В конце концов, все что он мог – подтвердить или предостеречь. Новых маршрутов он не прокладывал. Проблема была в том, что старые маршруты менялись. Иногда медленно, а иногда достаточно было пройти тихому грибному дождю, чтобы до сих пор безопасный двор превратился в адский котел.

Москва плохо реагировала на всё внешнее – всё, что приходило из-за Периметра. По мере сил она сопротивлялась ветрам и солнцу, дождю и снегу. Не пускала незваных гостей, даже птицы старались не залетать за Периметр. Будто все внешнее было ей противопоказано. Постепенно город становился все менее приспособленным для пришлых. Когда здесь не останется никого, кроме падших, златоглавая наконец добьется своего – застынет в своём совершенстве.

Нужно было держаться. Нужно, чтобы никто до самого казино не отпустил повозку рикши. Всё. Идти оставалось недолго, идти можно было не особо быстро, просто держись – и

с тобой ничего не случится. Изредка мимо проносились машины падших, тормозили, падшие не могли не реагировать на живых, снова давили на газ, рикши им были пока неинтересны.

Судя по отчетам, такой фокус проделывали уже десятки человек. Если так пойдет и дальше, скоро все будут передвигаться по Москве с попутными рикшами – прицепился и беги, и никаких дворов, никаких неожиданностей. Жаль только стоят рикши немерено, и не каждый едет в нужную сторону. Но это вариант, еще один шанс выжить.

По брусчатке идти не то что тяжело – если долго – неприятно, что ни шаг, то невпопад. Камни, кажется, специально расступаются, чтобы схватить ногу, выкрутить стопу, остановить... Парень из охраны Давича нелепо дернулся – тело еще двигалось вперед, а стопа всё не могла расстаться с мостовой. В другом месте он даже не запомнил бы этот момент. Рикши продолжали двигаться, продолжали двигаться девочки – охранник выпал из группы даже не на секунду. Сколько нужно крепкому тренированному мужчине, чтобы выдернуть ногу, попавшую в щель между камнями и догнать?

Синий «майбах» со встречной развернулся, застыл поперек осевой – точно между отставшим и группой. Падший вынырнул из нутра «майбаха», и Антон мог бы поклясться – водитель улыбался. Невысокий, сухонький, быстрый. Шаг, касание – и охранник медленно осел на мостовую.

Инструкции дали сбой. Их тренировали реагировать – еще лет сто тренировки, и, может быть, был бы толк. Может быть, хотя бы один из них смог хотя бы попасть в падшего.

Он двигался слишком быстро – шаг, касание, в ритме вальса – раз, два, три, охранник умри. Вероятно, помог бы пулемет, точно справилась бы установка «Град», а pistolетные пули каждый раз попадали в то место, где падшего уже не было или еще не было, – пули и падший никак не могли совпасть во времени. Неподвижному «майбаху» повезло меньше – машина словила, кажется, все, что предназначалось хозяину.

Охранник с вывернутой ногой лежал на брусчатке, лежали двое стрелков. Антон сделал все, что мог, он, кажется, целую вечность кричал: «Держаться!»

Стоило охранникам снова взяться за повозку, как падший потерял к ним всякий интерес. «Майбах» прошуршал по мостовой, чтобы вывернуть на свою полосу.

Давич попытался выпрыгнуть из повозки, но только попытался – контрактник все никак не хотел отпускать ручки своей колесницы, и не с габаритами дяди Коли было перемахнуть через подлокотники.

– Они ведь не умерли?

Давич жадно вытягивал шею, пытаясь высмотреть каждую мелочь. Три касания – три неподвижных тела – мало кто видел падшего в деле и может об этом рассказать.

Елизар никуда не смотрел. Его широкому затылку, чтобы стать окончательно похожим на башню, не хватало башенного орудия. Вероятно, оно сейчас просто выцеливало что-то с другой стороны.

– Еще нет. Но спасать уже некого, – Стрельцов хлопнул рикшу по спине – пора было двигаться, ему хотелось как можно скорее оказаться подальше от этого места.

Никто не понимал, как именно питались падшие. Абсолютно точно им не нужна была плоть. Что-то, чего лишается человек, когда теряет сознание, то, чего не найти у животных. Падших интересовали только люди, хотя даже вездесущие крысы Москву не жаловали. Погибли в дни Тьмы и больше не возвращались. Новое определение человека: живое разумное существо в сознании, интересное падшим. Наверное, нехудшее.

Антон читал рассуждения о биополе и карме, душе и альфа-ритмах. Видел простую картинку: падший касался человека, и человек, все еще вдыхая и выдыхая, с живыми глазами,

чуткими веками падал, будто кто-то мгновенно перерезал жертве сухожилия... Такая потеря сознания с непотерянным взглядом.

Еще несколько лет назад их пытались спасти. У спасателей было четыре минуты. Без всяких исключений, не больше и не меньше – двести сорок секунд после прикосновения падшего тело сохраняет признаки жизни. Столько же отведено любому человеку, потерявшему сознание в занятой падшими Москве. Двести сорок секунд, после – смерть.

Сначала об этом не думаешь. Потом... Человек может потерять сознание от массы причин. Упасть, захлебнуться, налететь на кулак. Начинаешь бояться, потому что вымощенная булыжниками, никогда не плюшева, но сейчас-то уже точно с полными горстями острых углов, Москва второго шанса даже не предполагала. Место для очень осторожных сумасшедших.

Через сорок минут Давич и Ко были на Новом Арбате. Дошли-доехали – было бы скучно, если бы не вспотевшие руки, приросшие к повозке, если бы не постоянный молоточек – где-то в груди – отпустишь – и нет тебя. Дошли-доехали, и стоило это троих...

А мимо – автомобили, каждый замедляет ход, внутри каждого – падший, смотрит – ждет. Мимо прошел новенький неоплан – огромный, как корабль, тень на полквартала. Черный, с тонированными окнами, пассажиры еле угадываются за стеклами, смотрят, завидуют. Не понимают. На бортах – белый череп, совсем не страшный, улыбающийся – знак Шутника, одного из шестерки падших, первых появившихся в городе.

Все казино города принадлежат Шутнику, все театры и бордели. Падший Шутник – местный министр культуры, главный шоумен Москвы.

Автобус скрылся из виду, и тут же грохотнуло – будто кто врубил сабвуфер размером с небольшой дом. Желудок дернулся в поисках выхода и успокоился. Звук, всего лишь звук, пройдет минута – и будет казаться, что все просто почудилось.

Это не дар и не талант – реагировать на случившееся. Вопрос дисциплины. Для ходока – вопрос выживания. Вариантов было немного, Антон выбрал проверенный:

– Стоять!

Рикши послушно остановились.

– К обочине!

Контрактники выполнили команду с лихой точностью чемпионов по строевой подготовке.

Антон расслабился: был он прав или нет, но он успел сделать то, что хотел. Теперь осталось только выждать, чтобы понять: он просто сошел с ума или эта остановка была и вправду для чего-то нужна.

Знаток бы сразу определил, что это за шум. Антон – ждал. Рев приближался и наконец вылетел из-за угла красным «феррари». Еще метров через сто тормознуло, но тихо не стало, на смену реву одного суперкара пришел гул тысяч лошадиных сил, катящийся к началу Нового Арбата.

Для нормального города – машин было немного. Для города, в котором действуют правила движения и хотя бы иногда их кто-то соблюдает. Каждый из десятков приближавшихся автомобилей ехал по прямой к точке назначения. Падший мог уступить дорогу только падшему – у рикш не было ни одного шанса. Если бы Стрельцов не заставил остановиться свой отряд – их бы просто смяли, не притормозив, даже не попытавшись свернуть.

Стрельцов выжидал: не просто пока проедут – до тишины. Шепотом, боясь спугнуть, приказал контрактнику: поехали по чуть-чуть...

Так они и докатились до казино – шагом. Мимо того места, куда устремились десятки падших. На этом участке мостовая провалилась под тяжестью неоплана. Огромный автобус

медленно погружался под землю. По какой-то прихоти судьбы он встал вертикально и теперь причудливой черной башней обозначил перекресток.

Падшие окружили место аварии – толпа сумасшедших зевак, они были рядом, касались стекол, старались рассмотреть – что там? Пассажиры были еще живы, их смерть смотрела на них глазами падших.

Поодаль уже собрались контрактники. Этим предстоит вытащить автобус и заделать пробоину. Позже. Когда падшие закончат свое дело. Падшие не будут торопиться... Логотип Шутника все так же улыбался. Шоу удалось.

У «Весны» их ждали. Вполне человек, вполне швейцар, вполне почтительный к сильным мира сего. Давич начал приходить в себя. Настолько, что вспомнил про чаевые. Ничто так не успокаивает бизнесмена, как пересчет купюр.

Антон до изнеможения долго ждал, когда все войдут внутрь. Рамка и тут заливалась, но, видно, сегодня день такой – праздник глухого охранника. Их пустили и в казино.

– Может, они развлекаются так, – подумалось Антону, – если бы не пистолеты, падшему на Кутузовском досталось бы на два человека меньше. Люди с оружием и без – две разные породы людей.

Глава пятая

Место силы

*Люди – миф или реальность?
Записки лох-несского чудовища*

Марк был за границей первый раз. Денег мало, откуда деньги у преподавателя русского языка? Поэтому – не в сезон. Денег мало, поэтому Тунис. К теплему морю его не тянуло. Ему хотелось в Сахару – чтобы ощутить лично, а не глядя в экран. Автобус набился разноязыкими туристами, гид живописал феерические закаты, зажигательные скачки на верблюдах и с азартом рассказывал о разнице температур. Человеку, выросшему на Средиземноморском побережье, минус восемнадцать казались ужасом. Несмотря на то что это только иногда и где-то в горах. Плюс пятьдесят публику впечатляли больше, но Марку подумалось, что большинство питерских бездомных с радостью променяли бы родную сырость на эту жару.

Автобус ехал как бы по пустыне, которая все никак не хотела соответствовать своему названию – другие автобусы, лавки, пестрый мусор – местный и завезенный за тысячи километров.

Марк ждал пустыни, как дембель – свидания с оставленной на гражданке девушкой. Наконец, автобус встал. Туристы, высыпавшись наружу, ощерились фотоаппаратами и камерами – надо же, этот участок пустыни «отъюзал» Голливуд, в результате чего тут появилось что запечатлеть для истории. Пробравшись в сторону от городка, который построила съемочная группа «Звездных войн», чем принесла неоценимую помощь бюджету Туниса, Марк наконец услышал Зверя. Он был рядом, надо было только перевалить за ближайшую дюну. Марк так и сделал.

Хватило десятка метров, чтобы остаться один на один. Наверное, ему казалось, но он слышал его дыхание, чувствовал его мощь. Марк всегда верил, что великая пустыня – огромный Зверь, надо только услышать.

Сорок лет и нелучшая физическая форма, но сейчас Марк бежал по проваливающемуся песку, будто ему шестнадцать и единственное, что может заставить его остановиться, это то, что он уже кого-то догнал.

Марк пробежал несколько дюн и остановился, просто бросившись вниз в мягкий песок. Зверь был с ним – каждой песчинкой. Место силы, место, где он узнает...

– На автобус не опоздаете?

Голос был не просто женским – Марк готов был отдать все то небольшое, что у него было, если это не самая красивая женщина на этом континенте. Почему-то он ожидал увидеть негритянку.

Она сидела на песке в нескольких метрах – выгоревшие волосы – до желтизны, длиной в сантиметр. Цвет кожи – почти негритянский, того оттенка кофе, вдыхая аромат которого, чувствуешь, что как-то неприлично попросить сливки.

Рассматривать незнакомку снизу было неловко, Марк оторвался от песка, тоненькая женщина выпрямилась, будто это упражнение – из сидеть в стоять – было ее ежедневным тренингом.

Несмотря на то что стояла она выше по склону, головы их были примерно на одном уровне.

– Марк.

– Как бы представиться... Вряд ли мы еще увидимся. Мария мне подойдет?

– Такая очень продвинутая Мария...

– Продвинутая? Хорошее слово. Что же вы тут искали, Марк, убежавший от автобуса?

– Никуда автобус не денется. Все равно будем еще час ждать, пока все сувенирные лавки не скупят...

– Разве я говорила, что автобус уедет? Кто сказал, что он вообще здесь был? Пошли, Марк!

Мария легко побежала по дюне туда, где должен был стоять автобус, еще один автобус, десятки туристов, экспонаты и сувениры... Марк перевалил за одну дюну, другую, третью... Что-то было не так. Совсем не так. После пятой дюны Марк уже не чувствовал себя шестнадцатилетним, вообще. Чувствовал себя глупо потерявшимся в самой большой пустыне, и только надежда на то, что ненормальная, которая бежит с ним по дюнам, должна как-то здесь ориентироваться, удерживала его от паники.

– Иногда, Марк, все так обманчиво... Особенно если искать не то и не там.

Марк, уже едва дыша, догнал Марию и моментально успокоился. Он хотел остаться один на один с пустыней, а стоя рядом с этой женщиной, он не чувствовал рядом чужого. Будто они прожили долго и всегда рядом. Она не мешала ему слышать Зверя.

Еще одна дюна? Будто не песок, а идеальная гладь катка лежала перед ними, по которой с недоступной легкостью чемпионки мира по фигурному катанию Мария скользила вниз и, кажется, продолжала скользить вверх, чтобы снова застыть на очередной вершине. На этот раз Марк почти не отстал, хотя на финише дышал с натужностью паровоза.

– Вон ваш автобус! – Мария взмахнула рукой.

Действительно, отсюда уже были видны экскурсовод, собирающий группу, и маленький бербер с верблюдом, так и не дождавшимся, когда с ним кто-то сфотографируется.

Марк обернулся к Марии – той уже не было. И он снова не слышал Зверя. Просто много песка и неба. Если бы не одышка, он мог бы подумать, что все это время просто простоял на этом бархане...

Трясаясь в автобусе, Марк пытался убедить себя, что никого не встречал – просто слишком много солнца и раскаленного песка для жителя северного города – перебор.

Марк побывал у пирамид и умудрился слетать в Анкор. Был в Тибете и на Памире, на Валдае и у железной колонны в Дели... Много где был. Научился легко находить общий язык с такими же бродягами, как он, – рюкзак, сандалии, фляга. Никогда не брал с собой фотоаппарат. Ему было неинтересно сняться рядом с. Он пытался услышать. Без толку. Самые большие и самые маленькие храмы, будда, лежащий и сидящий, – мелькали мимо. Что-то торкнуло у Стены Плача. Ненадолго, вот было – и уже нет, исчезающее – не догнать, не поймать. Место силы, если оно все же где-то было, упорно не хотело совпадать с маршрутами Марка.

В очередную поездку Марк добрался до Шри-Ланки. На этот раз ему казалось, что на вершине Львиной скалы он наконец-то сможет снова услышать то, что разыскивал все эти годы.

Поднялся легче многих. Годы путешествий давали о себе знать – когда нужно, он научился терпеть. И вот он на вершине – еще один турист, заплативший деньги за то, чтобы подняться вверх на сто семьдесят метров.

– И как?

Марку не нужно было вспоминать этот голос.

– Здравствуй, Мария.

– Не забыл. Нашел то, что искал?

– Нет.

– А в пустыне?

– Ты ушла, и все исчезло...

– Ну да... Есть еще океан.

– Я думал об этом. Пока не знаю, как это устроить.

– Купи круиз.

– Это не то.

– Конечно, не то, Марк, это все не то.

– Поможешь?

– Может быть... Только хорошенько подумай, что именно ты хочешь найти.

Марк так и не повернул головы. И не мучил себе сомнениями – конечно, на вершине скалы было жарко, но для шизофрении он был слишком стар.

В третий раз Мария пришла к Марку прямо в его школу. Класс ошалел, когда учитель русского языка объявил, что на сегодня урок закончен, и вышел из кабинета вместе с тоненькой женщиной, зашедшей на занятия босиком, закутанной в сари, несмотря на то что за окошком был очень даже мороз.

Марк на такие вещи внимания не обращал. В конечном счете, он не вполне был уверен, что Мария вообще человек. Он удивился, что все-таки ее видит кто-то еще, кроме него.

Мария шла босиком по питерской мерзлой земле, будто кто-то расстилал перед ней ковровую дорожку с подогревом. Безошибочно выбрала машину Марка и промолчала всю дорогу домой. Марк не торопил.

Дома огляделась, будто что-то оценивая, и уселась пить чай, Марк наливал в огромные кружки – так было заведено в семье.

Мария, отпив глоток, наконец заговорила:

– Ты все ищешь... Сам не знаешь что. Что-то достаточное мощное, что-то достаточно ценное и... вероятно, большое. Все так?

– Мощное, ценное, большое. Зверя. Да. И конечно, опасное, и все это умноженное на миллион.

– Хорошо, – пила Мария так, будто каждый глоток таил в себе новый неожиданный вкус. – Марик, а где бы ты спрятал Зверя... Подожди отвечать. Сначала подумай: тебе нужно спрятать что-то достаточно большое, что с места на место вот так запросто не перенести. Конечно, ты не будешь прятать рядом с какими-нибудь выдающимися природными аномалиями – это просто глупо, зачем самому себя выдавать. К тому же горы могут со временем стать вулканами...

– Значит, равнина?

Мария продолжала, будто не слыша:

– Конечно, ты не будешь прятать и там, где потом и вовсе нельзя будет достать, все-таки ты прячешь на долгое время, но не навсегда. Значит, никаких экстремальных впадин, морского дна или пещер. Конечно, этого нельзя делать там, где живут люди, просто потому, что какой-нибудь строитель метро, рано или поздно, такое разыщет.

Марк слушал внимательно. Очень. Этот разговор завязался не просто так. Все сходилась. Мария явилась ему в третий раз. То, что именно явилась, у него не было никаких сомнений. Мария остановилась, пора было ему включаться:

– Я бы прятал там, где люди не хотят жить, и в то же время не в экстремальных природных условиях, потому как сами по себе они привлекают. Так?

– Хорошо, дальше.

– Значит, точно не Западная Европа, никаких Стоунхенджей, не Китай и, скорее всего, вообще не Юго-Восточная Азия, там людей всегда было с избытком, Сахара, Антарктида, полюса холода и вообще полюса – отпадают... Мы же говорим об одном месте?

– Одно из.

– Понятно. Это где-то рядом?

– Буквально лет пятьсот назад в этом месте никто не захотел бы селиться ни за какие пирожки.

Марк всегда соображал быстро, а уж в том, что касалось найти что-то эдакое... Слишком многое было прочитано и намечтано, чтобы не сообразить.

– Здесь?

– Что значит «здесь»?

Марку казалось, что все экзамены в этой жизни он уже сдал. Уже больше никогда не будет вопроса, ответ на который будет решать так много. Волноваться не о чем, в худшем случае Мария просто уйдет. Все равно что проснуться утром и вспомнить, что на самом деле ты не умеешь летать.

– Здесь, Мария. Иначе вы бы просто не пришли ко мне. Где-то рядом, этот город построен в таком месте, где люди жить не должны, но человеческое безумие предусмотреть невозможно. Здесь?

– Никаких пустынь и океанов. Всего лишь очень высокая влажность, холод, который сам по себе, в другом месте был бы просто холодом, и земля, которая плодородит как раз настолько, чтобы не умереть...

– Где это? Господи, я полмира объездил, а надо было просто подумать...

Тонкая, легкая рука Марии, будто вырезанная из дерева, несмотря на все свое изящество, казалась неживой. Эта рука коснулась его плеча, и Марк замолчал. Она все еще может уйти, достаточно сказать что-то не то. Он и сам не мог бы объяснить, но он знал, что у этой женщины еще есть время на то, чтобы найти другого, возможно, здесь, а быть может, в другом таком же когда-то суровом к человеку месте.

– Марк, я дам тебе чертеж и деньги. Деньги, чтобы купить землю вокруг этого места, а чертеж, чтобы построить лифт.

– Лифт?

– Если я назову это средством для перемещения, будет лучше?

– Нет. Что взамен? Всегда должно быть что-то взамен, – Марк не боялся платы, он боялся того, что не потребуют, ведь тогда он больше не увидит эту женщину...

– Когда ты найдешь то, что ищешь, возможно, мы еще встретимся... Чай, Марик, у тебя очень вкусный.

Мария допила чай, ушла, и Марк ее не провожал. Осталась тоненькая папочка с десятком полупрозрачных листов бумаги. Его задание. Уже значительно позже, когда написанное на бумаге начало превращаться в металл, он думал: а если бы к нему пришла женщина чуть менее совершенная?

Глава шестая

Казино «Весна»

Ты становишься богатым, если тебе платят больше, чем ты сам платишь другим.

Пособие «Как стать миллиардером и никого не убить»

Любые ставки и очень специальные игроки. Шоу-программа. Здесь никогда не было просто звезд – только те, которые с приставкой «супер». На втором этаже – номера. Без номеров никак – приглашенные развлекались по полной программе. Мальчики и девочки, не совсем мальчики и вовсе не девочки, в любых количествах, любой формы, цвета, возраста и разреза глаз. «Весна» не признаёт ограничений ни в чем. Клиент всегда прав, клиент всегда платит.

Когда-то здесь был модный ресторан, говорят, падшим понравилось название. Им вообще нравились простые названия.

Швейцар отступил в полумрак у дверей. Стрельцов затаил дыхание – до сих пор Москва только пугала, сейчас... Он привозил из бывшей столицы артефакты, дающие здоровье и удачу, но это были чудеса платные и чужие, сейчас кое-что должно было достаться лично ему, пусть и по долгу службы, но служба уравнила его сегодня с клиентом.

За дверьми ресторана он ступил на неподстриженный газон, Стрельцов шел по дикой, но ласковой траве, пружинившей под ногами. Журчание ручья, запах, которого Антон не знал, но это был запах чего-то точно не городского, терпкого, цветущего. Шелест в кустах – что-то серо-зеленое с желтыми глазами, очень быстрое выпрыгнуло на дорожку перед Стрельцовым и тут же совершило прыжок в кусты на противоположной стороне. Через мгновение шум уже раздавался со стороны огромного дерева, чью крону было не рассмотреть – слишком высоко, слишком обильна зелень на пути к вершине лесного великана. Солнце. Антон чувствовал его тепло. Наконец-то он сообразил, кто выскочил на дорожку. Мартышка. Довольно крупная и очень быстрая. Если уж такие заросли, то – как же без диких обезьян? Почему-то Антон не сомневался, что все, что он видит, существует на самом деле, падших не интересовали спец-эффекты.

– Шампанское?

Было очень трудно ответить. Обычно, когда Стрельцов видел голую женщину, он думал не о том, что именно будет пить. Смуглая стройная девушка выплыла из-за угла с грацией дикого животного. То, что дикое и животное, – было прекрасно, то, что оно несло поднос с напитками, почему-то казалось естественным. Если уж настоящие джунгли раскинулись в центре Москвы, то что неестественного может в них происходить?

– У нас есть водка, текила, виски, есть коньяк...

Женщине нравилось, как Антон на нее смотрел, у неё в запасе был еще длинный список того, что она могла бы предложить:

– Может быть, пива? – Вероятно, это было самое сексуальное предложение пенного напитка в его жизни.

– Лизонька, ему бы воды и присесть, да, Антоха?

Высокий, смуглый, в белоснежном костюме и широкополой белоснежной шляпе, Антона встречал Воронин. Падший. Вероятно, это можно было посчитать удачей. Воронин был постоянным поставщиком Стрельцова, его Антон знал настолько хорошо, насколько это в принципе возможно, когда речь идет о падших.

– Рад вас видеть, господин Воронин.

– И я рад. Но ты на этот раз не один – твой эскорт? Пошли присядем – в ногах правды нет.

Плетеные кресла были уместны. И удобны. А идти за ними никуда не пришлось – всего лишь сделать шаг в сторону, где только что были непроходимые джунгли. То, что кресел мгновение назад не было и вот они уже есть, – так падшие слов на ветер не бросают. И то, что появились они только для Воронина и Антона, – так это правила игры здесь такие: обслуживание согласно сроку выживания на территории. Стрельцов пил ледяную воду с таким энтузиазмом, будто пытался потушить пожар на нефтеперерабатывающем комбинате, вспыхнувший где-то в глубине его желудка.

«Эскорт» отделил от себя Давича, который к этому моменту уже был вооружен двумя бокалами коньяка, принятыми от Лизоньки.

– Я хотел бы сыграть.

Если таракан, за которым вы безуспешно гоняетесь по всей квартире, вдруг заговорит и попросит прекратить насилие – вы удивитесь. Сильно. Если эта же зверушка заявит о своих правах на жилплощадь, вас посетит другое чувство. 10 % отвращения, 1 % все-таки удивления и 89 % страстного желания немедленно уничтожить наглое существо. Именно такая пропорция чувств угадывалась во взгляде Воронина.

– Играют только приглашенные. Вы можете смотреть, вы можете, раз уж попали сюда, пить, вы даже можете уйти отсюда, и никто вам ничего не сделает, но играть вы не можете. У вас нет приглашения.

Воронин ждал. Так не прогоняют, так не отказывают – шел торг, и была названа стартовая цена, теперь слово было за Давичем. У таракана появился шанс на диалог.

– Две девушки. Две красавицы. Уже здесь. Этого хватит для оплаты входного билета?

– Вы же сами сказали – они уже здесь. А значит, вы предлагаете мне то, что у меня уже и так есть. Что-нибудь еще?

Давич умел держать удар:

– Высокие ставки.

– Этим здесь никого не удивить, – Воронин внимательно посмотрел на Давича, – но мы все-таки сыграем, дядя Коля, вам же нравится, когда вас так называют?

– Я не против.

Если шестеренки часового механизма вдруг становятся раза в полтора больше, происходит только одно. Все, что к этому механизму имеет отношения, разлетается вдребезги, не выдержав увеличения размера.

Что-то похожее сейчас чувствовал Антон. Воронин не должен был заводить этот разговор. Стройная схема, по которой каждый падший рулил на своей территории, только что покрывалась трещинами и начала распадаться на крошечные пылинки – не собрать.

Воронин – падший, но он всего лишь продавец, причем один из многих, как он мог отважиться вести свою игру во владениях Шутника? Одного из первой шестерки?

– Ты как будто не в своей тарелке, ходок? Не привык водить экскурсии? Антон, ты же торговец, а не гид. Может, поработаем сейчас?

Кто его знает, как падший это сделал, но за его спиной появился молочно-белый шкаф с десятком отделений. Именно такой стоял и у Воронина в кабинете, где он традиционно встречался со Стрельцовым и другими ходоками. Может быть, и не такой же, а тот самый. Не шкаф – склад: за чем бы ни приезжал Антон, казалось, у Воронина есть все. И никаких замков. Может быть, это была игра, это почти наверняка была игра: падший не просто так оставлял свой шкаф-склад открытым, да и выходил из кабинета достаточно надолго, чтобы соблазн утащить что-нибудь из шкафа не просто проклюнулся, но и вырос, окреп и не вырвался на волю просто по какой-то случайности.

– Антон, ну как, совсем ничего не интересует? – Дверцы ящиков приоткрылись – за артефакты, открывшиеся взгляду, можно было купить не одну сотню душ.

– Не сегодня.

– Ну да. Не буду торопить. Понимаете, – Воронин перешел на шепот, – у нас было запланировано на сегодня небольшое шоу, но артисты не смогли до нас добраться. Москва – совершенно непредсказуемый город, может быть, пробки? Вы, когда ехали к нам, не заметили ничего такого? Может, светофоры не работают, может, что-нибудь еще?

Если Воронин имел в виду то, что им довелось увидеть в начале Арбата, то артистов придется ждать еще очень долго. Примерно до Страшного суда.

– Тогда девушки... – Давич обернулся к девушкам. Точнее, к тому месту, где они только что находились. Единственное, что намекало на то, что девушки действительно были здесь, – это ошарашенные лица охранников, пытающихся увидеть то, чего уже не было.

– Да, девушки уже присоединились к нам. Вы знаете, быть может, и вы скоро присоединитесь к ним?

Антон попытался встать быстро, сразу за Ворониным, и все-таки немного не успел – кресло исчезло за мгновение до того, как он был к этому готов. Как исчезал шкаф падшего, Стрельцов не заметил.

– Антоха? Поскользнулся? – Давичу нравилось, когда люди падают. Антон был не в обиде. Ему было жаль девчонок, ему было жаль парней, которым сегодня еще предстоит развеселить падших, Давича было не жаль. Правильнее всего было бы просто уйти. Стрельцов был уверен, что проводник дяде Коле в любом случае больше не понадобится. Но падший ждал его, и у Антона просто не осталось выбора.

Воронин шел, не оборачиваясь, задержись они на несколько секунд, и он просто исчез бы в ласковых джунглях «Весны». Тропинка была достаточно широкой, чтобы телохранители Давича смогли сомкнуться вокруг него кольцом. Трех оставшихся было маловато для выполнения задачи, но тут уж ничего не попишешь – отряд заметил потерю бойцов.

Журчание ручья становилось все слышнее, а вот солнце почти спряталось за обильной зеленью. Полянка, на которую они пришли, могла бы стать украшением верхнего течения Амазонки. На ней проводили бы обряды местные шаманы, непременно с жертвоприношениями, причудливыми танцами аборигенов вокруг костра... Однако это было казино. Игровые столы, укрытые сочной зеленью сукна, безупречные крупье – белые воротнички, белые манжеты, черные бабочки, тени девушек, разносящих напитки, бриллианты гостей.

Воронин, только что шедший далеко впереди, вдруг оказался чуть сзади Давича, наклонился, прошептал:

– Дядя Коля, что предпочитаете, блек-джек, рулетка, кости?

– Очко.

Воронин исчез, чтобы появиться уже рядом со свободным столом.

– Блек-джек, с вашего позволения. У нас приличное заведение. Ставка?

– Выше не бывает...

– Я в вас не ошибся, вы действительно нас развлечете...

Воронин задержал свой взгляд на Давиче. Обычно такой взгляд называют оценивающим. Воронину не нужно было оценивать, он знал – падший рассматривал Давича с неторопливостью дегустатора. Напиток уже в бокале, но, прежде чем его выпить, есть смысл оценить, как свет играет сквозь толщу вина и стекла...

– Мастер Игры ждет вас.

Антон все пытался привыкнуть к сумраку – только блеск на поверхности ручья, только игровые столы под острым светом ламп, все остальное в тени, в дымке – все только чудится, лишь угадывается. Он почти узнал в одной из разносящих напитки девушку из эскорта Давича. А может, ему просто показалось, в полумраке голые девушки так похожи друг на друга.

Белоснежный костюм Воронина растаял, потерявшись в сумерках. Игроки появлялись и исчезали, переходя от одного стола к другому, Антон многих узнавал – кого по выпускам новостей, кого по фильмам и клипам. Приглашенные.

Эти попадали сюда без хлопот, чтобы вернуться после игры другими. Или не вернуться вовсе. Падшие всегда брали свою цену.

Вдруг что-то случилось, замерла пестрая толпа приглашенных, Давич озадаченно крутил головой – так стайка антилоп замирает, чтобы в следующую секунду сорваться с места – не чувствует – предчувствует: львы вышли на охоту.

До сих пор все падшие, которых видел Антон, были не просто похожи на людей, внешне они и были людьми. Мастер Игры был только похож. Под три метра ростом, огромная почти квадратная голова с широкими негритянскими ноздрями, глаза, спрятавшиеся под сросшимися бровями. Вероятно, так мог выглядеть сынок Кинг-Конга и его возлюбленной блондинки: бледнокожий платиновый блондин во фрачной паре, сидевшей на нем так естественно, будто никто никогда и не шил других размеров. Огромные ноги Мастера в остроконечных туфлях ступали почти бесшумно – сегодня хищники соблюдали дресс-код. Елизар, занявший место в шаге от шефа, на фоне Мастера Игры смотрелся примерно так же, как большая белая акула рядом с кашалотом. Как-то сразу понимаешь – и не особо она белая, и не такая уж большая.

Огромные руки Мастера взяли с подноса запечатанную колоду карт, колода на мгновение просто исчезла в его ладони, чтобы появиться уже распечатанной.

– Ставки!

Мастер Игры говорил негромко. Для себя негромко, для других – если бы пять Антонов крикнули во всю силу легких, получилось бы тише.

Давич не торопился. Его не пугал ни трехметровый банкующий, ни притихшие звезды. Что такого он должен здесь увидеть, что было бы хуже того, что с ним уже происходило? Чем могут его испугать люди во фраках и смокингах?

– Три ставки. Три кона. Я ставлю жизнь, три жизни, с вас – личное бессмертие и неуязвимость. Если вы принимаете мою ставку.

– У игрока три жизни?

– Нас здесь четверо. Это мои люди.

– Они подтвердят, что они ваши?

– А вы спросите.

Антон знал, как это делается. Подтвердят что угодно, сделают все как просят, потому что есть жена, есть сын или дочь, а рядом человек Давича. И не уехать, не скрыться – только ждать и надеяться. Поэтому обученные убивать – согласятся быть жертвами. Они не первые, мало того, им уже не впервой.

– Первый кон. Карты!

Словно волна прошла по казино – игроков отливом унесло от других столиков, чтобы прибить к берегу одной игры. Любопытные кадыки над воротниками – шеи тянутся вверх и вперед – что там? Лебединые изгибаются – как там?

Давич открыл первые две. Дама и валет.

– Достаточно!

Мастер Игры не торопился. Перед ним лежала десятка. Давич понял, какая карта будет следующей, до того как она упала рубашкой на сукно.

– Блек-джек!

Туз лег рядом с десяткой, огромный падший протянул руку – его ладони как раз хватило, чтобы обхватить голову охранника. На Кутузовском падший делал все быстро, почти изящно, будто в игре: к кому прикоснусь – падай. Здесь – иначе. Мастер тянул к себе телохранителя за голову, как чемодан за ручку, и тот не выдержал – закричал. Уже все равно никто никогда его не увидит, уже не будет стыдно, вообще ничего не будет – кричал страшно, низко, хрипло.

Мастер лишь слегка усилил хват, и крик затих, тело обмякло. Потом Мастер точным четким движением припечатал голову жертвы к столу. Резко. Так бьют топором, чтобы одним движением перерубить особо выдающийся сук. На сукне проступило алое, чтобы тут же впитаться и остаться просто темным.

– Сыграла ставка казино, – Мастер уже смахнул в никуда колоду и тасовал новую, только что распечатанную. Тело исчезло, все было так же, как до начала игры, и место одного телохранителя занял другой – на расстоянии вытянутой руки Мастера.

Давич вытащил пятерку и шестерку, попросил еще. У дилера десятка. Ждет. Сдал дяде Коле еще одну пятерку – всего шестнадцать.

– Еще.

Вероятно, когда-то в детстве Давич был уверен, что, если очень постараться, можно видеть даже сквозь печную заслонку. Нужно просто сильно захотеть и изо всех сил прищуриться. Картон – тоньше заслонки, и Давич щурился изо всех сил. В то, что выпадет пятерка, не верил, надеялся на четверку, и она пришла. Двадцать очков, можно играть. Теперь падший должен вытащить туз, иначе – либо ровно, либо дядя Коля может не с пустыми руками возвращаться домой.

– Достаточно.

Мастер Игры не торопился брать себе. Он протянул руку – туда, где этого жеста ждали живые ставки – охрана Давича. Дядя Коля даже не обратил на это внимания, он ждал карты дилера. Если бы он обернулся, он бы убедился, что в сторону этих людей не нужно протягивать руки. Это были уже и не люди вовсе, а большая красная кнопка – подыши в её сторону – сама нажмется. Мастер тянул в сторону руку, которой он только что убил одного из них.

Их так учили. Если настало время – довериться движению. Пусть ведет за собой – скорость придет сама, точность придет сама, они стреляли с двух рук, и ни одна пуля не покинула магазин впустую. Каждая нашла свою цель в огромном теле Мастера Игр, в телах с любопытно вытянутыми шеями, кровь на смокингах почти не видна, кровь на вечерних платьях не кажется кровью. Когда магазины опустели, они даже успели вставить новые, прежде чем Мастер Игры сделал первый шаг.

Давич упал под стол, стоило ему услышать такой знакомый звук взведенного курка. Если бы он был целью – его бы это не спасло.

Мастер Игры встряхнулся, как кот, выбежавший из-под дождя, Мастер Игры шагнул, не пытаясь переступить через тела, – с тяжеловесной грацией танка на бездорожье. На этот раз его руки были быстры – быстрее пальцев на спусковых крючках.

Охранник, открывший огонь, не знал, что так можно бить, – преимущество в силе и скорости делает ненужными правильную стойку, долгую школу. Мастер Игры прошел мимо охранника к Елизару, который успел оценить Мастера.

Голова, сердце, пах – три выстрела не заставили Мастера даже замедлиться. Голова Елизара утонула в его огромной ладони. Антон вспомнил – Влад как-то назвал Елизара безбашенным. Теперь это воспринималось иначе.

Трава лучше любого паркета. Казалось, все эти люди просто решили прилечь, отдохнуть на полянке. Антон Стрельцов все еще держал в руках бокал шампанского. У бокала пулей отбило ножку, но шампанское не пролилось. Антон выпил. На поляне живых осталось трое – он, Давич и Мастер Игры.

Он никак не мог вспомнить фамилию этой певицы, помнил только, что у неё длинные ноги. Очень. Сейчас эти ноги лежали на земле. Они не стали ни на миллиметр короче и были все так же хороши. Их красоте не мешала даже старческая рука... кажется, министра. Рука нескромно покоилась на женском бедре. Морщины на глянце, дерево на мраморе. Когда этот мужик приезжал в Питер – перекрывали движение. То ли из Уфы, то ли из Казани. Теперь будет

приезжать кто-то другой. С такой дыркой в черепае ездят только в наглухо закрытых ящиках, и недалеко.

Перед глазами все плыло, стены, до этого закрытые зеленью, обнажились, джунгли уже не казались такими роскошными в плену бетонных стен.

Когда Давич выбрался из-под стола, Мастер уже был на своем месте дилера. Он так и не открыл вторую карту.

– Игра не закончена, но у вас нет ставок. Дальше играть нет смысла.

– По правилам вы должны открыть карту.

– Игра закончена, вам нечем платить. Вы проиграли. У вас больше нет ставок.

– А моя жизнь ничего не стоит?

– Стоит, только вы договаривались на три игры. А оплатить можете только одну.

– Если я сейчас выиграю... – Сейчас Давич думал не о том, что он не должен был ехать в Москву, не о том, что играть с падшими нельзя – по правилам или без, он смотрел на экран мобилки в безумной надежде – вдруг появится связь. – Мы можем договориться. Я могу удвоить, утроить ставки. Достаточно одного звонка.

– Дядя Коля, ты нас сегодня позабавил, но больше ты не нужен. Ты проиграл, – Воронин в нужный момент исчез и вовремя появился. Вряд ли он испугался пуля – просто не хотел мешать.

– Моя ставка. Если я выиграю, я сыграю снова.

– Наверное, обидно, жизнь прожита, а верить людям – так и не научился... – Воронин улыбался. Давич его забавлял.

– Это кто здесь люди? – Дядя Коля уже не сдерживался.

– Мастер Игры, вскройте карту!

– Блек-джек! – Туз лег рядом с десяткой. У Давича больше не было ни ставок, ни шансов.

Стрельцов не стал дожидаться финала. Он видел десятки раз, как падший забирает свое. Может, Давич и собирался продать душу с выгодой, но явно ошибся с покупателем.

Джунгли кончились сразу, в три шага. Гранитный пол, зеркала, швейцар, за стеклянной дверью – Новый Арбат.

– Антоха, не прощаешься? – Воронин ступил на улице и теперь опасливо смотрел на затянувшееся тучами небо, до смерти напугав вцепившегося в рикшу контрактника. – И правильно. Скоро ведь обратно.

– Не хотелось бы.

– Что ж так? Давич тебе не друг, не партнер, деньги ты заработал честно, что не так?

– Не так? Может быть, таманцы, которые пропустили охрану моего клиента? Или охрана казино, которая, видно, оглохла, пока надрывалась рамка в дверях? Этого хватит для вашего «что не так»?

– Человеческий фактор, всяко бывает...

– Не будь оружия – остались бы все целы. Вы могли просто не пустить Давича в казино. Вы могли что угодно. И я не верю, что вам нужен был дядя Коля. Для вас он никто, и звать его никак. Вы хотели избавиться от своих гостей и не хотели делать это сами. Угадал?

– Антон, иногда ты настолько забавен, что мне не хочется тебя отпускать... – Вероятно, падший шутил. Смеяться не хотелось. – Не переживай, Антон, я буду ждать тебя и обещаю – мы накажем каждого, кто сегодня ошибся.

– Следующего раза не будет.

В глазах падшего мелькнуло что-то такое, чего Антону не хотелось бы видеть больше никогда. Чтобы снова посмотреть в глаза Воронину, пришлось сделать усилие. Падший ждал. Наклонившись к Антону, он почти прошептал:

– Ну что ты, Антон, следующий раз будет, и очень скоро, верь мне, и я даже отвечу на твой вопрос. Ты же хотел спросить – зачем? Обещаю, я тебе отвечу, – Воронин сделал шаг в сторону, налетевший ветер принес клочья белого тумана, в котором падший с легкостью и пропал.

Перед тем как сесть на рикшу, Антон еще раз посмотрел на вывеску казино. Все тот же улыбчивый череп. Интересно, в каких отношениях Воронин был с Шутником. До сих пор Стрельцов воспринимал Воронина как одного из многих падших, однако один из многих не рискнул бы устроить такое шоу на территории Шутника. Было неуютно. Падшие всегда выполняли обещанное. А значит, Антон точно узнает, зачем Давичу было позволено играть. Как-то сразу стало совсем не любопытно.

Когда Антон обернулся – рикша уже был далеко. Не догнать.

Дождь. Без вступлений – сразу миллионом капель по площадям и переулкам. Стрельцов улыбнулся – под дождем он всегда чувствовал себя увереннее, будто мир поворачивался к нему привычной уютной стороной.

Антон подставил ладонь каплям – казалось, они вот-вот сложатся в какой-то узор, но падала еще одна капля – и все исчезало.

Падший Воронин смотрел на дождь. Стена капель заканчивалась в нескольких метрах от окна его кабинета. Ничего сверхъестественного – где-то же должна проходить граница любого дождя. Падший улыбнулся, сегодня в Москве по прогнозам – без осадков, значит, его игрок уже начал набирать силу.

Глава седьмая

Пулеметы на башнях

Неожиданность – штука одноразовая. К тому же скоропортящаяся.

Учебник «Военная тактика с точки зрения маркетинга»

– Привез?

Кривой только что завел свой грузовичок во двор Иоаннинского приюта. Деревянные ворота приюта вполне могли остановить небольшую армию вторжения – просто в силу своего скромного размера и, кажется, никогда не смазываемых петель. Пока ворота открывались, Кривой успел прикинуть, сколько бы он заработал на том же грузе, если бы договорился с другими покупателями. Может, и больше, если бы переплавил эту здоровенную уродливую детальку в слитки. Платина стоит не дорого, а очень дорого. Дороже, чем охрана, которую он мог бы позволить себе нанять. Поэтому единственными, кто знал, что именно он везет, были сам Кривой и его заказчик. Даже два его работника, почти партнера, были уверены, что везут просто причудливую отливку из свинца. Можно было продать дороже, а можно было вообще не довести. На самом деле было еще одно обстоятельство – Кривого сопровождали большую часть маршрута. Вполне возможно, что и весь маршрут, – Миша Кривой никогда не был специалистом по слежке. Он был всего лишь винтиком в сложной системе поставок странных предметов, как правило издавна и от совершенно неожиданных людей, сюда – на окраину Петербурга, в Иоаннинский приют. Сегодняшний груз Миша забирал больше двух недель назад в Оренбурге, куда его, в свою очередь, доставили из уже совсем не опознаваемых мест. Судя по упаковке, откуда-то, где не пользовались ни привычными кириллицами с латиницами, ни иероглифами, – что-то другое – и совершенно нечитаемое.

Поэтому Кривой только прикидывал, но ни о каких других клиентах даже не думал. Была и еще одна причина не думать о других. К бизнесу эта причина не имела, в принципе, никакого отношения.

Двор приюта был щедро усыпан листвой, раньше директор следил, чтобы не было ни одного листика, впрочем, это ведь не так и важно, успокоил себя Кривой.

Встречал Кривого сам директор. Невысокий полный мужчина, седой, но ни одной морщины, в толстой кофте и вельветовых брюках, казалось, он только что вышел из маленького уютного паба, где есть камин, хороший виски и глубокое кожаное кресло. Рядом застыл человек в сером плаще и серой шляпе, да и сам он был странно бесцветным, как персонаж старого, еще черно-белого советского детектива. Серый человек – точно старше директора, а директор был далеко не молод, но возраст, кажется, был таким же антуражем, как плащ и шляпа. Мужчина стоял под дождем не морщась, Кривому подумалось, что капли, ветер и много еще чего из происходящего здесь и сейчас не могли его ни задеть, ни расстроить, ни даже заставить пошевелиться.

Кривому доводилось видеть падших – те были тоже невозмутимы, но падшие просто были другими, их эмоции читались только в том случае, если они сами хотели донести эти самые эмоции, изображали убедительно, и все же это всегда была только иллюзия. Серый был просто сосредоточен на другом. Слишком сосредоточен, чтобы как-то реагировать на незначительное.

– Дождь, может, зайдём, пока разгружают? – Кривому под каплями было нормально, он беспокоился о директоре, тот не производил впечатление человека, которому все нипочем. Кривой кивнул в сторону плаща и шляпы:

– Новый ученик? Не поздновато?

Серый двинулся за директором, просто потому, что дистанция между ними должна была оставаться неизменной, явно услышав и так же явно никак не отреагировав на слова Кривого.

– Имя у него есть? – Кривого незнакомец раздражал. Большую часть обитателей приюта он знал по имени, а уж в лицо помнил каждого, кроме этого странного дедушки в сером плаще.

– Это Николай. Он за мной присматривает, – вероятно, на лице у Кривого можно было прочесть многое, и ничто из увиденного не понравилось директору. – Неделю назад меня пытались похитить...

– Отсюда? – Кривой обернулся к воротам.

– В городе, – Ефим Маркович улыбнулся и конфузливо пожал плечами, словно только что признался, что заснул в опере и своим храпом помешал дремать соседям. – Николай согласился последить за мной, чтобы больше такого не было.

Если дедушка в плаще и шляпе помогает в таком деле – кто такой Кривой, чтобы быть против?

Высокий тощий парень из местных уже закрыл ворота и прилаживал засов, Кривой уловил какое-то движение наверху: так и есть – производящие впечатление заброшенных, прирватные башенки такими не были. Кривому показалось, что он рассмотрел контуры НСВТ. Мощная машинка, с учетом того, что пушку на башню было точно не втащить, вариант более чем серьезный.

– Думаете, и сюда могут забраться?

– Кто знает? – Директор тяжело вздохнул: – Пока попыток не было, но обязательно будут. Я уже давно живу, Мишенька, не было случая, чтобы не нашелся кто-нибудь, кому нужное твое. Даже если выглядит оно неказисто и, на первый взгляд, тут и брать нечего. Плохо то, что такие сюрпризы, – директор кивнул в сторону пулеметчика на башне, – работают ровно один раз. После первого выстрела станет ясно, что тут и вправду есть что-то ценное, а мы не сможем воспользоваться даже таким замечательным вариантом, как просто сбежать.

Директор внимательно смотрел на Кривого, будто прикидывал, сколько тот будет стоить, если прямо сейчас его расчленишь и продать на органы.

– Миша, очень важно, чтобы никто из чужих не узнал лишнего о нашем нищем, убогом приюте. А что привозят к нам крупы да картошку от спонсоров, так помогать страждущим – не грех.

– А почему листья не убираете? Чтобы никто не догадался, сколько веников в приюте?

– На самом деле, пока просто не нашел, кто готов сделать эту работу...

– В мое время вас не особо интересовала готовность... Берешь метелку и за работу!

– Миша, может, на самом деле, ты был готов, хотя и не знал об этом?

Четверо дюжих малых с трудом перетаскивали груз на телегу, та заскрипела в знак протеста и просела. Несмотря на то что изделие, которое привез Кривой, было запаковано в коробку раза в три большую чем сам груз, – весило оно так, что размеры не казались преувеличенными. Когда ее сдвинули с места, следам от колес мог бы позавидовать трамвай, проехавший по песчаному пляжу. Тяжеловато для картошки с гречкой.

– Пойдем.

У директора в кабинете, в миру – Ефима Марковича, для Миши Кривого нашлось и кресло, пусть и не кожаное, и сигары. Три кресла, бар... Кривой всегда подозревал, что за этой дверцей бар, подозревал, потому как открытым не видел ни разу, но что еще можно хранить между двумя полками с бокалами и рюмками? Огромный стол занимал половину кабинета. Его величина и возраст наводили на мысль, что это не его сюда вносили, а кабинет построили вокруг него. На шести разных по форме ножках, вероятно снятых с разных столов, он выдерживал тяжесть настоящих бумажных гор. Когда-то давно Кривому удалось под ворохом документов увидеть сукно. Судя по цвету, в легендарные времена за этим монстром играли в карты...

Еще один стол и еще одно кресло – совершенно домашние – обозначали собственно рабочее место директора. Три стены полностью закрыты шкафами, от пола до потолка – книги, в несколько рядов на каждой полке, попробуй взять любую – вылетит пять. Неприметный металлический шкаф, крашенный под дерево. Открытым Кривой не видел и его, но знал, что там оружие, хотя, по слухам, там могло быть еще много чего, вплоть до отрезанной головы прошлого директора приюта...

Михаил Кривой чувствовал себя в приюте как дома. Только здесь его называли по имени, о котором мало кто вообще догадывался за этими стенами. Никому даже в голову не приходило, что Кривой – это настоящая фамилия, а не прозвище. Все объяснялось просто – когда эти двое познакомились, Ефим Маркович все так же был директором, а Кривой был Мишенькой, которого в приют привез полицейский.

До полиции он два месяца пролежал в ожоговом отделении. После пожара уцелели труба стояка и Михаил Кривой, шести лет от роду, теперь сирота. Никаких взрывов газа, никакого замыкания – огонь появился на первом этаже и сожрал всю пятиэтажку, побрезговав уж совсем негорючими чугунными трубами и слегка задев Кривого. Почему? Пожарные знают – случается всякое, и такое тоже.

След от ожога шел через всю правую половину тела, но по-настоящему пугал лишь шрам, начинавшийся на шее и распластавшийся во всю правую щеку. Мише повезло – пострадала только кожа, и всякий, кто в этом сомневался, довольно скоро убеждался, что пацан прекрасно видит, быстро бегают и сильно бьют.

Если бы не на редкость удачная фамилия, с которой даже прозвище не понадобилось, был бы Миша поименован иначе, и в кличке этой точно не обошлось бы без чего-нибудь копченого, печеного или жареного.

Кривой всегда смотрел прямо, и иногда казалось, что он стесняется своей не обезображенной половины. Быстрый бег помогал не всегда. Кривого не любили. Довольно долго он был тем чужаком, которому попадает просто за то, что он чужак. Михаил не сдавался и никогда и ничего не забывал. Тщательно запоминал, чтобы потом... «Потом» все не приходило, каждый день мало отличался от предыдущего – его били, Кривой пытался давать сдачи буквально до тех пор, пока не терял сознание.

В младшей группе у воспитанников приюта к привычным синякам с прибытием Михаила добавились следы от укусов и царапин, новенький использовал все инструменты, отпущенные ему природой.

Все закончилось в один день – когда директор вошел в спортзал и остановил очередной урок физкультуры. В руках у Ефима Марковича был десяток мечей, а за спиной толпились воспитанники старшего курса. У человека постороннего вид клинка в руках директора не вызвал бы ничего, кроме улыбки. Кривой не улыбался – обучение в приюте было специфичным. Фехтование было одной из профильных дисциплин. Ставили фехтование на палашах с двухсторонней заточкой, массивной гардой – оружием колюще-рубящим, что подразумевало подготовку универсальную и куда более близкую к реальному бою, нежели традиционное спортивное фехтование.

Михаил Кривой взял в руки деревянный меч, и директор поставил его в пару к Антону Стрельцову из старшей группы.

Еще толком не освоивший стойку, Кривой умудрился в первом же спарринге привезти Антону пару уколов. Стрельцов отыгрался и, не без труда, довел поединок до победы. И попробовал снова.

За плечами Стрельцова были годы тренировок и слава одного из лучших фехтовальщиков приюта. Кривой орудовал мечом, время от времени напрочь забывая, что это не совсем обычная палка. Иногда вспоминал о том, что с фехтовальной дорожки не стоит сходить. И все-таки у него получалось. Стрельцов атаковал много и разнообразно, держал темп, Кривой

то вспыхивал, то замерзал, то ломился вперед, размахивая деревянным клинком с такой скоростью, будто смысл фехтования был в том, чтобы поднять ветер, то почти останавливался, умудряясь уходить от выпадов Стрельцова какими-то маневрами скорее из боксерского, чем фехтовального арсенала. Так пламя может быть почти невидимым, схоронившись для броска, придет время – и уже не остановить, а пока... С мечом в руках, даром что деревянным, Кривой превратился в другого человека. И превращаться обратно он уже не хотел.

По одному, по двое просачивались в зал воспитанники, подтянулся и директор, если кто не видел этого боя – ему рассказали. Михаил стал местной достопримечательностью, хотя так и не выиграл.

В один день Кривой из истеричного замкнутого неприятного пацанчика, официальной жертвы курса, превратился в одного из тех, кому позволено иметь странности. Его не стали бояться: если бы решили скопом побить – меч Кривому не помог бы. Просто бить человека, который умеет такое, было как-то неправильно. Изменения в жизни закрепил и тот странный факт, что стоило только назреть какой-то не очень радостной ситуации, как рядом оказывался Стрельцов, и ситуация мгновенно рассасывалась.

Кривой за все время учебы победил Стрельцова один раз, но остальным его соперникам от этого слаще не было. Довелось Михаилу пережить и спарринг с директором – одно из самых тяжелых испытаний для любого воспитанника. Кривому не повезло отстоять против директора два раза. Достаточно, чтобы понимать – с Ефимом Марковичем лучше оставаться на дистанции выстрела.

С тех пор прошло достаточно времени. Воспитанник стал коммерсантом, маленький бизнес Кривого – «вы только закажите, мы привезем» – давал достаточный доход, чтобы подумывать о новом грузовике и снимать двушку в нехудшем районе Питера. Последние два года он делил жилплощадь с женщиной, которая не раздражала его ничем. Настолько, что он даже забывал поворачиваться каждый раз, когда она могла видеть только его левую – лучшую часть. С женщиной было лучше, чем без нее, и все же приют был единственным местом, в котором Миша Кривой чувствовал себя дома.

Он так и не перестал быть тем изуродованным пацаном, который всегда следил за входом. Всегда прислушивался.

И вряд ли пожар, сделавший его сиротой, был тому причиной. Он расслаблялся только в зале с клинком в руках или во время своих ставших редкими, но все же никуда не девшихся взрывов ярости, и горе тому, кто оказывался с ним рядом.

Терпимо ему было в приюте – в огромной, всегда холодной столовой, в мастерских, в кубриках, в келье, которая так и осталась за ним, в спортзале... Но только не в этом кабинете.

Странная комната без окон, в которую было легче попасть с улицы – пусть входная дверь и была толщиной со ствол пожилого дуба, а обычный замок дополнял совершенно архаичный огромный засов. Чтобы попасть в этот кабинет изнутри здания, пришлось бы преодолеть не один коридор и целую анфиладу комнат. Кривой никогда не мог понять, зачем директор так неудобно расположил свой офис, а самое главное, как ему при этом удается так быстро оказываться в любом классе приюта. Воспитанники попадали сюда редко, и никогда это не было связано с чем-то хорошим. Михаил, до того как стать деловым партнером директора, был здесь два раза. Один раз после неудачного побега, второй – после удачного. Кривой вернулся сам, после того как месяц прожил на улице со старыми друзьями. За месяц он успел поучаствовать в двух кражах. Накануне третьей вернулся в приют.

Даже сейчас ему не верилось, что он сидит здесь в кресле, а не стоит навтыжку. Вероятно, кто-то в этом кабинете все-таки должен был стоять, поэтому Николай замер у дверей. Кривой выразительно посмотрел в сторону человека в сером:

– Он только присматривает или еще и прислушивает?

– Считай, что его здесь нет.

– Хорошо. Если уж мы так с вами сидим, а вокруг пулеметчики и телохранитель... а я все-таки тоже как-то во всем этом участвую... Ефим Маркович, что за дуру мы вам доставили?

– Часть целого.

– Не хотите говорить – ваше право, я понимаю. Платите вы достаточно, но хотелось бы знать...

Он не успел закончить. Пол дрогнул, директор ухватился за стол – стол не подвел. Николай рукой уперся в притолоку. Кривой не успел ничего. Даже подумать о землетрясении. Рывнули пулеметы. Один тут же замолчал, второй будто отдышался и снова захрипел железом по железу. Землетрясение откладывалось, Михаил проверил Т Т, до сих пор ни разу не пригодившийся, но всегда бережно почищенный-смазанный, в подогнанной кобуре.

Николай медленно отошел от дверей, пятясь, будто толстое дверное полотно только что стало особо опасным непредсказуемым зверем.

– Ефим Маркович, уходим вниз?

– Даже не думай.

Металлический шкаф был открыт – отсеченной головы экс-директора в нем не было, зато видно было еще несколько клинков и «калашников».

– Лови, сынок!

Палаш в кожаных ножнах рыбой нырнул в руку Кривому. Привычная тяжесть, непривычно удобная рукоять, Кривой мог бы поклясться, что чувствует в руке акулю кожу... Ножны – долой. Темный металл с фактурой дерева – у директора в шкафу были не самые простые клинки.

– Николай?

Телохранитель снял плащ, аккуратно повесил его на спинку кресла. Двойная наплечная кобура – под пиджак такую не спрячешь, только плащ. До этого такую Кривой видел только в кино.

– Я привычным. Ножи не люблю... «Калаш» – бросай, пригодится...

Николай положил автомат на стол с нежностью молодой кормящей матери, укладывающей малютку в люльку.

– Скоро? – Кривому почудилось или телохранитель предвкушал?

Для каждого нашлись спечочки и беруши – директор хорошо подготовился, страшно подумать, а ведь в шкафу осталось что-то еще.

– Сюда!

Бумаги осыпались лавиной, норовя похоронить зазевавшихся, – это огромный шестиногий стол встал на ребро щитом перед дверями так уверенно, будто это и было его естественное положение. Места за столешницей хватало в самый раз для троих.

Пулемет замолчал. Что-то зашуршало у дверей кабинета. Директор улыбнулся. Можно вскрыть замок, но с засовом придется повозиться. Возиться не стали. Пол уже привычно вздрогнул, заряд был небольшим, дабы не задеть никого внутри. Удар – и дверь упала, как подъемный мост взятой крепости.

Ситуация была не самой веселой, но меняться местами с теми, кто сейчас должен был попасть в кабинет, Михаилу не хотелось. Недолго. Ровно до того момента, как в кабинет влетела первая светошумовая граната. Одно дело знать, что ты готов к этому, и другое – испытать.

Наверное, беруши сработали. И очки. И столешница. Парни, вошедшие в кабинет, действовали осторожно, согласно уставу. И все же они ждали труднодвигающихся, ослепленных и оглушенных. А встречал их Николай и две его беретты. Если предположить, что Николай не был с детства слепым и глухим, ему должно было быть так же плохо, как и Кривому, то есть перед глазами все плывет, а голова будто только что побывала в колоколе, причем ее использо-

вали непосредственно для извлечения звука из этого колокола... Осторожным ребятам в касках и бронежилетах было лучше, но недолго.

Николай умел стрелять. Один выстрел – минус один боец. Точно под каску – без шансов. Кажется, не целясь, не человек – подставка для двух стволов. Только бы хватило патронов – у 93-й беретты 20 патронов в магазине, можно рассчитывать на 40 трупов.

Хватило пяти тел, чтобы нападающие сообразили: что-то не так. Новая порция световых гранат – для профилактики, и никаких новых попыток атаковать с помощью обычных бойцов в касках и бронежилетах.

Кривой так бы ничего и не заметил, если бы Николай не начал стрелять. То ли двойной световым удар тому виной, то ли у Миши уже пошли глюки, но Николай палил не в человека, а в какую-то тень. И тень эта появилась прямо, будто никакая дверь ей вовсе не нужна. На этот раз то ли меткость у телохранителя кончилась, то ли цель оказалась бронированная.

– Я!

Директор двигался экономно, каждый раз ровно так, чтобы его клинок оказывался в нужном месте в нужное время. Пуля всегда быстрее клинка. Сегодня это правило не работало. Тень двигалась до третьего удара, точнее, до финала первого – просто директор так работал палашом: одно движение – три разреза.

За первой тенью встала вторая, третья. Кривой уже был рядом с директором – до Ефима Марковича ему было далеко, но и противник оказался не самым серьезным.

Диспозиция изменилась. Николай держал под контролем двери, а директор с Кривым рубились с тенями. Противник был безоружен, но движения – быстрые, смазанные, и это у директора каждый выпад достигал цели, Кривой бился трудно. Попасть было еще полдела – само по себе попадание не гарантировало ничего. Казалось, будто тело противника состояло из металлических пластин, и только если все три удара шли в разрез – тень проигрывала. Михаилу очень не хотелось узнать, что произойдет, если тень все же дотянется до него.

– Школа, Миша, школа!!!

«Фехтование есть искусство наносить удары, не получая их» – в тренировочном зале висела цитата из Мольера, а каждая тренировка начиналась и заканчивалась с так называемой школы. Комбинация из трех ударов – горло, сердце, низ живота. И снова – горло, сердце, живот. Начинали в шестой позиции, заканчивали в четвертой. Оттачивали скорость и точность, после каждого удара – отход.

– Школа! – Прошли годы, но стоило директору скомандовать, и рефлекс работал: три удара – на одну тень меньше.

У Кривого все как-то стало складываться не так быстро, как хотелось бы, но противники словно ждали своей очереди, чтобы принять три удара и... Об этом Миша пока решил не думать. Пусть они выглядели не совсем как люди, но это как-то еще можно было списать на последствия световых гранат... Но куда девались трупы? После третьего удара, если все три наносились правильно, тень просто таяла. Секунда-другая – и не оставалось ничего. Кривому уже начинало казаться, что он бьется с одним и тем же противником. То, что они исчезали, было некстати. Потому что теперь он вспомнил не только практическую часть школы, но и теорию. Тогда это казалось просто красивой сказкой. В конце концов, почему не учиться фехтованию с демонами, особенно если получается и клинок в руки так и просится. Если учитель считает, что так они лучше усвоят материал... В конце концов, чем это хуже школы тигра?

Теория гласила: «Если демону позволить коснуться себя – ты проиграешь». Школа и была простейшей системой боя с демонами – нанести три удара и не пытаться парировать – просто максимально быстро уходить. Это директор мог не держать дистанцию, его скорости хватало и ударить, и парировать удары, воспитанников учили по упрощенной методике, чтобы у каждого были шансы.

Миша знал – он ошибется только один раз. И уже два раза благословлял массивную гарду – способную защитить не только от чужого клинка.

Постепенно логика боя складывалась в довольно простую схему: тень за тенью вставала перед Михаилом, казалось, только для того, чтобы он не мог принять участие в другом бое, где все было серьезнее, – против директора раз за разом оказывалось то трое, то четверо противников. Пока он справлялся. Николай следил за тем, чтобы больше никому не пришлось в голову воспользоваться дверью – никому из привычных противников, и пока был вне игры. Он пытался стрелять. Тени даже не замедлились.

В бой вступила очередная тень. Теперь Кривой работал еще осторожнее, а значит, еще быстрее, и ноги уже давали знать о годах без тренировок. Вероятно, и у директора запас прочности был на исходе, потому что иначе он просто не допустил бы даже в бою с тремя противниками ситуацию, в которую сам себя загнал. У одного противника директора шансов не было, зато второй подошел близко, слишком близко, чтобы Ефим что-то успел. Ситуация Кривого была лучше: еще один удар – и его противник отправится за своими предшественниками. Только времени на этот удар у Кривого уже не было, потому что свой следующий выпад он сделал, остановив тень, которая слишком близко подобралась к директору.

Если бы Кривого спросили, почему он решил спасти директора, он не то чтобы не знал, что ответить, он даже не понял бы, что кого-то спасает. Просто нужно было парировать удар. Больше было некому. Дальше все должно было произойти быстро и просто – одно прикосновение. Не было ни времени, ни мастерства уйти от этого прикосновения.

Три выстрела. Горло, сердце, живот. Туше. Пуля быстрее клинка. Николай освоил школу в своем собственном стиле.

Три пули стали последней каплей – тени исчезли, словно и не было. Во дворе тоже было тихо.

Николай перезарядил пистолеты, в кобуру не прятал. Повесил на плечо так и не пригидившийся АК.

– Осмотримся?

– Как ты это сделал? – Директор рассматривал Николая с подозрением, словно боясь обнаружить если не рога, то парочку щупалец точно.

– Я умею стрелять по заданным параметрам.

– Пули их не могут остановить. Куда бы ты ни попал.

– Но ведь остановили.

– Им и клинок не страшен. Дело не в железе. Палаш, – директор бережно спрятал оружие в ножны, – просто продолжение твоей воли. В теории, их можно убивать руками. Это еще эффективнее. Проблема в том, что тогда придется их касаться, а для обычного человека это верная смерть.

– А чем пули плохи?

– Пуля – это не твое продолжение, это просто кусочек свинца, – Ефим Маркович никогда не любил огнестрельное оружие. Понимал его необходимость, но именно необходимость. Сейчас он пытался обратить в свою веру Николая. Так поклонник французской кухни мог бы терпеливо втолковывать любителю гамбургеров и растворимого кофе, что это... ну не вершина кулинарного искусства. – Между тобой и пулей расстояние, и потом их много...

– Для тебя, может быть. Для меня пуля – это и есть мое продолжение, такое очень конкретное продолжение.

Директор смотрел на руки Николая. Расслабленные, но бережно державшие пистолеты. Может, и пули, все еще ждущие своей очереди, тоже чувствовали себя частью этого странного человека.

– Наверное, ты прав, Николай. Иначе того, что произошло, просто не объяснить. Слишком много не вполне обычных людей собрались в одном месте. Такое иногда бывает. Не в лучшие времена.

Миша почувствовал себя маленьким. Карликом рядом с гигантами. Когда-нибудь он тоже сможет, не вспотев, положить пятерых и быть готовым продолжить бой. Когда-нибудь он сможет рассуждать о чем-то таком на второй секунде после атаки демонов и совершенно не переживать о том, что будет после... Когда-нибудь – в жизни следующей через три после этой. Кривой провел ладонью по шее – красное, жидкое, на вкус соленое. Когда же это он?...

– Пулей зацепило. Прости.

Кривой мог поспорить – пройди пуля на сантиметр ближе – и была бы у него вместо царапины дырка в шее. А Николай точно так же извинился бы и пошел осматривать двор.

У Кривого дрожали ноги, клинок казался чугунным, но ему хотелось еще. Он чувствовал, что может что-то еще, что-то кроме школы, его неудержимо тянуло коснуться тени. И он больше не боялся.

Огромный бульдозер «комацу» прошел насквозь ограду приюта да так и встал. Если не уедет – дыру можно не заделывать. Ворота остались целехоньки – действительно, кто ж нынче берет штурмом ворота, если можно запросто заехать прямо через стену. Башням повезло меньше. Если знать, что они там были, угадываются остатки. Вероятно, гранатомет.

В дальнем от ворот углу двора перешептывалась группа воспитанников.

– Старший курс, – объяснил Ефим Маркович.

Кривому можно было не разжевывать. Сам таким был. Короткая стрижка, личный палаш, по случаю тревоги без ножен, босиком, в одинаковых черных куртках и штанах, старосты групп в синем, отличить пацанов от девчонок – разве что на ощупь.

– Без них мы бы точно не справились? – Кривому стало нехорошо – одно дело, когда с наемниками разбираются взрослые мужики, и совсем другое – когда дети, пусть и обученные единоборствам...

– Справились бы. Точнее, справились бы именно без них. Я детей только учу! – огрызнулся директор.

Михаил осмотрелся. Сразу он не обратил внимание – уж больно живописной была картинка с ребятишками и бульдозером: по всему периметру двора – неприметные ребята в Digital Urban – американском городском камуфляже.

– Я что-то пропустил? Штаты ввели войска?

– Спокойно. Войска наши. Камуфляж чужой, а войска – наши, вон видишь, Николай уже знакомых отыскал.

– Жаль, они чуть раньше не прибыли...

– Они прибыли вовремя. Раньше получилось бы, если бы они прямо в приюте квартировались. Что, судя по всему, мы теперь и получим.

Тем временем Николай вел к директору и Кривому человека, который, будь он хоть в смокинге, хоть в домашнем халате, откликался бы исключительно на «господина полковника». Невысокий, плотный, но ни грамма жира, стриженный под ежик не потому, что по уставу, а потому, что ему так нравится, пожмешь руку – обязательно проверит на прочность кости. Казалось, в каждый конкретный момент времени он находился в состоянии схватки. Сейчас целенаправленно преодолевал пространство между собой и директором. Пространство, ясное дело, сдалось.

– Полковник Матушкин, – произнес так, чтобы даже мысль о шутке умерла не родившись.

Кривой представил полковника в косынке, и ему стало легче. Михаил очень удивился бы, если бы узнал, насколько полковник похож на свою маму. Такую же кряжистую, такую же – всю жизнь пребывающую в понятной только ей борьбе со всем и каждым, разве что волосы не стригла под ноль – и ходила в косынке. Представлялся полковник почему-то Кривому, что, в общем, было странно, потому как – зачем?

– Михаил, – интерес полковника угас, прежде чем Кривой выговорил свою фамилию. Из их фамилий могла получиться отличная пара, хоть на эстраду выходи.

– Ефим Маркович, что это было? Не в моей компетенции, но командование, скорее всего, будет настаивать на переносе объекта.

– Перенос объекта не в вашей компетенции, а вот его безопасность, господин полковник, целиком ваша зона ответственности, – сказано это было так, словно одних этих слов было достаточно, чтобы разжаловать полковника в рядовые. Навсегда. – Займитесь периметром. Не факт, что все закончилось. И... Убитые есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.